

КОФЕ
ПОНЕДЕЛЬНИКА

Хроники Б-ска+

*На самом деле
всё не так,
как в действительности*

Кофе понедельника Хроники Б-ска +

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14342986

ISBN 9785447438388

Аннотация

«...Налетело стадо каких-то мелких мух, облепило все наши голые колени, не кусались, но смотрели оч. выразительно, как бы говоря: намёк понятен? Да? Уже били, били их, а они не отстают. И уйти нельзя, дела. Наконец, солнце упало за дом, и на одну коленку нашла тень. И мухи пересели на те, которые на солнце! А потом и вовсе улетели, догонять последние лучи. То есть они считали нас источником тепла и света. А мы их по морде. В общем, не такое уж мы и дерьмо. Хотя бы с точки зрения мух.»

Содержание

От редакции	7
Город-лес	9
Всё помнящий Непомнящий	12
Вчера была война	12
«Тревожная рубашка»	12
Едем	13
Возвращение	14
Саночки	14
Ночные патрули	15
Шоколад	17
Школа	17
Пленные немцы	19
Красуля	21
Баночка от гуталина	23
Город нашего детства	25
Улицы	25
На старом базаре	28
Типажи	31
Птичий рынок	35
Нравы	38
Заводской барак №3	41
«Одесский» персонаж	53
Уллуна	64

Сады нашего детства	71
Школа нашего детства	76
Праздники нашего детства	85
Праздник Октября	85
Праздник футбола	86
Русская берёзка	90
Праздник молодости	91
Река нашего детства	94
Мода нашего детства	99
Каток нашего детства	107
Милиция нашего детства	111
В стародавние времена	111
Верхом на коне	112
Весёлые времена	114
«Все сидят»	115
На посту	116
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Хроники Б-ска + На самом деле всё не так, как в действительности Кофе понедельника

Маргарите, которая не сдаётся

© Кофе понедельника, 2015

© Наталья Викторовна Бочарова, дизайн обложки, 2015

© Николай Николаевич Дихтяренко, иллюстрации, 2015

Текст Наум Аронович Непомнящий

Текст Владимир Александрович Бизюкин

Текст Сергей Александрович Мостовщиков

Текст Степан Венедиктович Чердаков

Текст Денис Александрович Петренко

Текст Анна Сергеевна Петренко

Текст Елена Анатольевна Воробьёва

Текст Елена Кузьменок

Текст Дмитрий Анатольевич Горчев

Текст Юлия Николаевна Перепелова

Текст Анна Евгеньевна Рудницкая

Редактор Константин Дмитриевич Цукер

Корректор Юлия Николаевна Перепелова

Корректор Мария Сергеевко

Корректор Екатерина Пилютина

Корректор Елена Франс

Корректор Владимир Несонов

Корректор Татьяна Шилова

Текст Константин Дмитриевич Цукер

Текст Наталья Викторовна Бочарова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редакции

– Ну что за детский сад, – скажут некоторые, – ну что это за непроизносимое «Б-ска» такое, вынесенное в заголовок? Это, во-первых. А во-вторых, тоже мне конспирация. Если уж приспичило конспирировать. Да любой школьник возьмёт атлас и немедленно определит, какой-такой этот Б-ск и с чем его едят. Глупости какие-то...

Не-не-не, не скажите. Нету таких школьников, которые листают на досуге атласы, не бывает. Это раз. И нету задачи конспирировать. Это два. Всё просто: главный лирический герой этих хроник – Город нашего сердца. И мы решили оставить простор для воображения – если кому вдруг надо. Быть может, Город зовётся Бабаевск. Или Бийск. Или Байкало-Амурск. Или вообще Баб-эль-Мандепск. Слышите? Слышите, как заиграло? Опять же, неместному читателю так загадочнее. Не Зурбаган, конечно, но всё ж таки. Поэтому, пусть будет Б-ск, ладно? Не ругайтесь.

Данная книга – логическое продолжение вышедшей лет восемь тому назад «Хрестоматии Б-ска». Это действительно самые настоящие хроники. Мы собирали их по кусочкам, как цветные стёклушки для мозаики, что-то выклянчили у старших товарищей, что-то нагло спёрли, что-то написали и сфотографировали сами, периодически закрывая глаза и взвешивая внутри себя: готово? Не готово? Можно за-

пускать? И вот почувяли – можно.

«Плюс», затесавшийся в название, тоже не просто так. Мы приплюсовали в местные хроники тексты совершенно неместного человека Сергея Мостовщикова, не имеющие никакого отношения ни к Б-ску, ни к хроникам. Этот самый Мостовщиков – он как-бы компас, что ли... ох, долго объяснять, забейте. Просто тексты уж больно хорошие, вот мы и не удержались.

В общем, читайте, чего зря трепаться.

Город-лес

В деле доброты важно искать источники доброты и время от времени припадать к ним. Таких мест можно найти много, но начинать нужно с Б-ска. Сам я к Б-ску отношусь скептически. Всё тут делается на полном серьёзе, юмора никто не понимает, люди проваливаются сквозь землю, недовольный народ перекрывает федеральную трассу. Делать в Б-ске нечего, но кто-то другой во мне всё время зовет меня в Б-ск.

Ничего не известно даже о том, как он появился в России. Скажем, согласно мистической версии, само по себе слово «б-ск» – это выражение ветхозаветной эмоции, связанной с реакцией на изгнание из рая в тварный мир. Сразу после вкушения запретного плода человек был низвергнут Создателем в реальную жизнь, где испытал свой первый «б-ск».

Согласно прагматическому подходу к истории, город основали бобры на месте оврага Нижний Судок. Здесь процветали трудолюбие, взаимопомощь и кувшинки. Однако прославленный реформатор Петр I, вернувшись из Европы, побрил бобров, вырвал им зубы, выучил пить, курить, заниматься частным извозом и свадебной фотографией. Это и определило образ современного Б-ска навсегда. Например, человек собирается переночевать и находит телефон гостиницы «Отень».

– Это как время года, только через «т», – говорит тако-

му человеку девушка-администратор. – Это знаете, как у нас бывает, – говорит такому человеку таксист, – узнает кто-нибудь незнакомое слово и сразу начинает им пользоваться, чтобы проблемы были не только у него. Это ведь вам, а не им теперь нужно будет разбираться – отень у них там или не отень.

– Это знаете, как будет по-древнерусски? – говорит такому человеку бармен гостиницы «Отень». – Отень – это отчий дом. Именно вечная потребность человека самостоятельно наделять смыслом то, в чём его нет, каждый раз превращает глупость в историю, мысль в проблему, отчий дом – в гостиницу, а большой и довольно таки каменный город – в тревожный лес. Потому что когда я впервые оказался в Б-ске, то оказался не где-нибудь, а именно в музее леса. Огромный человек в форме лесника с дубовыми листьями в петлицах. Бескрайнее от темноты помещение с чучелами лося, бобра и медведя. Голос огромного человека в темноте: «Сейчас... пойдёт... снег». Сноп света, ударяющий в медленно вращающийся под потолком зеркальный дискотечный шар. Вой ветра и волков, записанный на магнитофон. Брызги отражений в стеклянных глазах кабанов. Довольно тяжелое похмелье. Надпись чёрными нитками, ночью вышитая друзьями на моем рюкзаке: «Лес – это не просто совокупность деревьев. БСЭ».

Надо ли объяснять: в скором времени в новостях передали, что б-ский музей леса дотла сгорел при невыяснен-

ных обстоятельствах. Это пепелище ещё несколько лет тлело в моей душе. Со многими я успел поругаться. Почти ничего мне не удалось. Совокупность деревьев моей судьбы, похоже, так и не стала лесом. Лес моих поступков так и не вырастил ни одного дерева. Но каждый год в конце ноября я оказываюсь здесь. Похоже, я крепко заплутал в этой непонятной чаще.

Мостовицков

Всё помнящий Непомнящий

Вчера была война

«Тревожная рубашка»

Наш дом находился в самом центре Б-ска – на площади К. Маркса, как раз напротив кооперативного техникума. Отец мой на второй день войны явился в военкомат и был призван. Когда начались налёты на город, мы с матерью переселились к родителям отца. Дом деда стоял на месте теперешней редакции «Б-ского рабочего» и выходил огородом в овраг, где и было в спешном порядке выкопано бомбоубежище. Такие же бомбоубежища вырыли соседи.

Город оделся в светомаскировку. Немногочисленные многоэтажные здания были выкрашены чёрными полосами, окна крест-накрест заклеены бумажным и полосками и завешены светонепроницаемыми шторами. По ночам выключали электричество.

Вся жизнь проходила в ожидании очередного налёта. Бомбёжки начались почти с первого дня войны. Самолёты шли рядами, издавая волнообразный гул, как бы периодически включая и выключая двигатели. Иногда в воздухе поднима-

лись наши истребители, и люди с надеждой смотрели в небо. Но наших самолётов было слишком мало.

Мать пошила мне длинную, до пят, байковую рубашку, которую называли «тревожной». В этой рубашке, сонного, по несколько раз за ночь меня таскали в бомбоубежище. Фронт приближался.

Едем

В городе началась массовая эвакуация. Семья деда (а младший брат отца работал на Дормаше) должна была эвакуироваться вместе с заводом. В этот эшелон мы не попали. В последний момент бабушка узнала, что в Доме офицеров идет запись на эвакуацию офицерских семей. Мать наспех набила чехол от матраца вещами, и мы отправились на телегах на вокзал.

Четыре теплушки прицепили к военному поезду, и мы отправились на Урал, в неведомый Усть-Катав. Поезда шли медленно, станции были забиты составами и подвергались налетам. До Урала мы не доехали, так как на мордовской станции Торбеево случайно встретили двоюродную сестру матери и остались у неё.

Мордовия считалась глубоким тылом, но и там уже чувствовалась война. По улицам маршировали допризывники с вырезанными из досок винтовками. Они обучались строевому шагу и рукопашному бою. Вряд ли кто из этих ребят,

получив впоследствии настоящую винтовку, мог грамотно ею воспользоваться. Через некоторое время с Урала к нам приехали два младших брата отца. Из Мордовии их призвали. Один вскоре вернулся с ампутированной ногой.

Возвращение

Спустя пять месяцев после освобождения Брянска мы вернулись домой. Город лежал в руинах. Когда ехали, мама все держала ключи от квартиры, надеялась, что дом уцелел. Однако ключи нам не понадобились – на месте нашего дома высилась груда кирпичей.

Поселились снова у деда. Опять каждую ночь следовали налеты, но их теперь не очень-то и боялись. Немцы устраивали налеты в ночное время, так как днем их уже гоняла наша авиация. Мы, восьмилетние мальчишки, часами смотрели в небо, любуясь полетом «ястребков», и жаждали увидеть сбитый немецкий самолёт. Но мне так и не посчастливилось...

Саночки

После работы родители шли разбирать развалины, и мы, пацаны, помогали им. Помню, мы работали на восстановлении здания Госбанка и детской больницы.

Игры поначалу были только военными: мы штурмовали

развалины, брали пленных, играли в партизан. Но кое у кого с довоенного времени остались коньки, самодельные рулевики, самокаты. Подарил и мне мой инвалид-дядя саночки. Они были недетские, сваренные из толстого металлического прута. Зато настоящие.

Я еле дождался утра и потащил саночки на улицу, рассказывая друзьям, как они мне достались. Рядом с нами шел какой-то пятидесятилетний, в военной шинели, мужчина. Вдруг он подошел ко мне.

– Мальчик, вот хорошо-то, что твой дядя отвез мои саночки домой. Я вчера забыл их на улице. Это мои саночки.

– Нет, мои, – робко возразил я.

– Ну как же твои, вот и верёвка на них моя.

Верёвка никак не могла быть его, потому что её привязал дед. Но мужчина не стал больше обсуждать этот вопрос, взял у меня саночки и пошел.

Увидев, что я заплакал, он вернулся, сунул мне мороженое яблоко. Так я с этим яблоком в руках, без санок и вернулся домой. И только тут по-настоящему разревелся. Родственники, естественно, бросились на улицу, но санок и след простыл.

Ночные патрули

Линия фронта всё дальше и дальше отодвигалась на запад, но людей не отпускал страх. Страх за воевавших, страх за по-

терявшихся за годы войны родственников, страх за детей, таскавших разные взрывоопасные предметы. Страх за дома, страх за потерю хлебных карточек.

Особенно запомнились мне слухи и очереди. Очереди были за всем: за хлебом по карточкам, за керосином, за ключевой водой в Судках, в баню.

Слухи же были один ужаснее другого. Будто какие-то темные личности воруют детей, а в купленном на рынке холодце обнаружили человеческий палец... То где-то находили склад с оставленными немцами фальшивыми советскими рублями, то под Петровской горой обнаружили подземный ход, начиненный взрывчаткой.

По рынку сновали пацаны с рогатками и набивали подстреленными воробьями сетки. Говорили, что за это им кто-то платит, а из воробьиных тушек делают холодец. По ночам в двери и окна стучали, приказывали открыть: патрули комендатуры проверили паспорта, искали дезертиров и диверсантов.

Входные двери тогда закрывались на огромные, длинные крючки. Патрулям приходилось стрелять в воздух и даже взламывать двери. Перепуганные люди с детьми прятались в чуланах, забивались под кровати. Чтобы облегчить себе задачу, ночные патрули брали с собой уличкомов. Но редко кто открывал и уличкому, потому что бандиты тоже могли привести с собой уличкома.

По улицам шныряли какие-то «жучки» и подозритель-

ные нищие. Под городом горели леса. Чёрный дым неделями поднимался над горизонтом. Ходили слухи, будто лес подожгли диверсанты...

Шоколад

По булыжной мостовой, подпрыгивая, мчался мотоцикл. Такое зрелище доводилось видеть нечасто, и мы, мальчишки, побежали следом. Мотоцикл бросало на булыжниках в разные стороны. В заднем седле, обхватив мотоциклиста, ехала женщина, прижимая одной рукой к боку газетный сверток. Вдруг из свертка нам под ноги выпал какой-то предмет. Я оказался первым. Это была огромная, величиной с тетрадь, плитка шоколада.

Схватив шоколад, я бросился наутек, ребята за мной. На бегу кусанул шоколад, стараясь отхватить как можно больше. Раздался страшный скрежет, изо рта посыпались осколки зубов. Изучив плитку, мои друзья захохотали. Потом засмеялся и я, вытирая рукавом кровоточащие десны. Это была плитка почтового сургуча.

Школа

Сохранившиеся довоенные школы были непригодны для занятий, требовали ремонта. Мужскую школу временно расположили в здании технологического института, женскую –

напротив, в доме купцов Могилевцевых, где в последствии находился горисполком.

В каждом классе были кирпичные или металлические печи-буржуйки, которые топили дровами. Ребята постарше незаметно подкидывали в печки патроны, они взрывались. Пока печи восстанавливали, мы гуляли. То тут, то там во дворах и оврагах гремели взрывы, часто делавшие детей инвалидами. В Нижнем Судке, за теперешним зданием областного суда, располагалось стрельбище, где почти ежедневно проводились стрельбы.

Когда в городе стали собирать металлолом, среди детворы начался буквально психоз. С упавших в овраге самолетов ободрали не только алюминиевую обшивку, но даже заклепки. Воровали из дома медные тазы для варки варенья. Однажды из обкомовского гаража утащили и разрубили на части два новеньких радиатора. На деньги, полученные от сдачи металлолома, покупались конфеты, махорка и папиросная бумага.

В конце Советской улицы, на том месте, где сейчас находится школа милиции, располагался склад боеприпасов. Однажды оттуда стянули целый ящик трассирующих пуль от крупнокалиберного пулемета. Естественно, весь он пошел в костер.

Особой страстью ребятни были «поджигалы». Это медные или стальные трубки с расплюснутым и загнутым под девяносто градусов концом. На прямом участке к трубке про-

пиливалось маленькое отверстие. Поджигало набивалось порохом, серой от спичечных головок, дробью и тщательно утрамбовывалось. Затем к отверстию подносилась спичка, и из трубки с грохотом вылетал заряд.

Так что учились мы в свободное от таких забав время. Новых учебников не было. В учебнике истории фотографии легендарных комдивов Тухачевского, Блюхера, Якира были перечеркнуты крест-накрест и написано: «Враги народа».

Пленные немцы

К немцам поначалу мы испытывали неподдельную ненависть и страх. Однако со временем к пленным привыкли. Они стали неотъемлемой частью пейзажа. Это были понурые, растерянные люди, волею судьбы попавшие в мясорубку войны. По проезжей части улиц они ходили на строительные работы сначала под охраной наших солдат, потом без охраны, под командованием своих же пленных.

Немцы строили заново здание драматического театра и кинотеатр «Октябрь». Они проходили по улицам два раза в день: на работу и с работы. Мы кричали им «Гитлер капут!» и украдкой стреляли в их сторону из рогаток. Лагерь военнопленных располагался на окраине, в районе «Чермета», как раз за 7-м гастрономом и пожарной частью. Он был обнесен невысокой оградой из колючей проволоки и практически не охранялся. За порядком следили сами военноплен-

ные. На территории лагеря было размечено футбольное поле, и вечерами, после работы, немцы играли в футбол настоящим мячом. Мы все ждали, чтобы мяч перелетел за ограду. Мяч был вожаделенной мечтой всех ребят.

Со временем пленным разрешили самостоятельно выходить за пределы лагеря, и они подрабатывали колкой дров и копкой огородов. Дед мой немного говорил по-немецки, и после разговоров с ними все удивлялся: как это они, по их словам, до прихода Гитлера к власти были коммунистами или социалистами, оказались среди фашистов? Дед говорил, что верить им нельзя. Пленные немцы были в большинстве мастеровыми людьми, соскучившимися по мирному труду. В свободное время они мастерили различный садовый инвентарь, деревянные скульптуры и даже музыкальные инструменты. В Б-ске судили пять высших чинов оккупационных войск и руководителей карательных экспедиций против партизан. Их приговорили к смертной казни через повешение.

На пустыре, на том месте, где теперь расположено здание управления внутренних дел, были сооружены виселицы. Несмотря на сильный мороз, народ запрудил всю площадь. Был зачитан приговор. Генералы были в основном молодые еще люди, от последнего слова отказались. Другие пленные немцы надели на шеи генералов петли, и по команде машина, на которой стояли приговоренные, отъехала. И тут же народ стал молча расходиться. Казнённые висели, наверное,

с неделю, но на них уже не обращали внимания.

Красуля

Однажды к нам заявился мамин средний брат. Он был офицером-танкистом. Их часть была отведена на переформирование, и он получил недельный отпуск.

Переночевав у нас, он отправился на родину, во Мглин, узнать о судьбе оставшихся там родителей. Как он выяснил, родители и все многочисленные родственники были расстреляны немцами.

Осталась корова Красуля, которую забрала себе соседка. Хотите верьте, хотите нет, он эту Красулю пригнал пешком в Б-ск и оставил у нас. Что значила в то время корова, теперь уже трудно объяснить: это было несказанное богатство. Однако радовались мы недолго.

Какая-то женщина подала на нас в суд, утверждая, что у нас оказалась потерянная ею во время оккупации корова. У женщины никогда не было коровы, но были три свидетеля. У нас была корова, но не было свидетелей. Мать была в отчаянии. Так бы, наверное, и отсудили у нас корову, если бы в суде не оказался знакомый, хорошо знавший нашу семью. Женщина тут же отказалась от своего иска, заявив, что обозналась.

Утром коров на выгон собирал по дворам пастух, а вечером он только перегонял их через мост на Набережной.

Дальше пастух за скотину не отвечал. Хозяева встречали своих коров у моста и гнали до дому сами.

Обязанность встречать вечерами Красулю лежала на мне. И вот однажды разразилась сильная гроза. Придя к мосту в назначенное время, я не встретил стада. Пастух пригнал коров еще днем, во время грозы. Красули нигде не было.

Мы с матерью прочесали весь город – тщетно, хотя многие видели, как наша корова направлялась домой. Часов в десять вечера, в густых уже сумерках, мать отослала меня домой, а сама продолжала поиски.

По дороге домой, на спуске улицы Октябрьской к оврагу, у обкомовской аптеки я увидел двух мужчин, тянувших на веревке упирающуюся Красулю. Я стал реветь и просить их, чтобы они вернули нашу корову, но мужчины, смущенные немного моим появлением, продолжали гнать ее в сторону оврага. Я стал цепляться за веревку. Они меня отталкивали, но не били, опасаясь, вероятно, что я подниму крик и разбужу людей.

– Ладно, пацан, – сказал, наконец, один из мужчин, видя, что от меня не отделаться. – Пойдем с нами. Вот видишь, в овраге наш дом. Сейчас мы заведем корову в сарай и там посветим фонарем. Если это на самом деле твоя корова, то мы тебе ее отдадим.

Я стал спускаться с ними в овраг. Как бы они мне там «посветили», я понял потом, когда мне объяснила мать. К счастью, в самом начале спуска я услышал голос матери и закри-

чал. Прибежала мать и оказавшийся рядом по случаю сосед. Мужчины отдали корову, объяснив, что её подобрала милиция, а им поручили продержать ее ночь у себя. На радостях мать отдала им все лежавшие у нее в сумке деньги. . .

Баночка от гуталина

Когда репродукторы разнесли весть о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, все плакали от счастья. Город ожил – все высыпали на улицы. На кладбище, на месте нынешней северной трибуны стадиона «Динамо», установили пушки для победного салюта.

Из школы нас отпустили пораньше, и мы побежали домой. Но возле часовни – теперешнего спортзала на стадионе «Динамо» – остановились как вкопанные. Нас поразили не орудия, устанавливаемые для салюта, – этим нас было не удивить. И не девчонки, игравшие в классики на отмошке часовни. Нас повергла в шок баночка из-под гуталина, которой эта девчонка играла.

Баночка из-под сапожной мази была вожаделенной мечтой ребятни. Мы играли в классики куском кирпича, консервной банкой и другими малоподходящими предметами, а тут – настоящая баночка, и до нее рукой подать. Посоветовавшись, мы поняли, что просто так нам её у девчонок не отнять, те были постарше лет на пять. Тогда мы решили завладеть банкой хитростью.

Мы набежали гурьбой, и пока они нас расталкивали, я схватил баночку и бросился через футбольное поле. Девчонки подняли страшный крик. Как потом оказалось, офицер, командовавший батареей, был отцом одной из этих девчонок. А банка-то была как раз ее... Офицер с криком «Стой, стрелять буду!» погнался за нами, на ходу расстегивая кобурку.

Когда прогремели два выстрела, я бросил баночку и пулей понесся к оврагу. Не переводя дух, перебежал открытое пространство до Верхнего Судка и уже по нему, дрожа от страха, пробрался к дому. Часа два просидел в кустах. Офицер поймал-таки одного из пацанов и драл его за уши до тех пор, пока тот не рассказал, где я живу. Офицер вроде пообещал заявиться к нам домой. Я снова скрылся в овраге...

Конечно, никто за мной не пришел, но страх был так велик, что я даже не вышел к праздничному столу. И за салютом наблюдал из оврага. Затем была победа над Японией, стали возвращаться наши отцы. Но война оставалась неотъемлемой частью нашей мальчишеской жизни, пожалуй, до самого 50-го года. И лишь потом наступила мирная жизнь. Мы стали понемногу забывать про войну...

Город нашего детства

Улицы

Б-ск нашего детства пробуждался от пения петухов и криков молочниц, разносящих по улицам молоко. «Молока на-дай!» – старались перекричать петухов груженные коромыслами с укрепленными на них гроздьями коричневых кувшинов молочницы. Они доставляли молоко из близлежащих деревень пешим порядком, и просто удивительно было, как они добирались до города в такую рань.

Центр послевоенного города размещался где-то в рамках «тюрьма – набережная» по вертикали и «Верхний Судок – Нижний Судок» – по горизонтали. Состоял он из улиц Васильевской (ныне Горького), Советской и Ленинской (ныне Фокина). Но самой центральной считалась, естественно, нынешняя улица Калинина, а тогда – III Интернационала. Почему «естественно»? Да потому что с нее можно было попасть на любую из вышеперечисленных улиц. А чтобы с Красноармейской улицы или Петровской горы попасть в центр, не было другого пути, кроме как спуститься на улицу III Интернационала, а затем уже подняться по одной из трех улиц-горок. Это позже через Судки были возведены сначала деревянные мосты, а потом дамбы.

Дома росли, как грибы. Никто не ждал квартир от государства – каждый строил, из чего мог и как мог. Те, кто живым вернулся с войны, брали в банке ссуды и начинали строительство, не надеясь получить в обозримом будущем государственные квартиры. В каждом десятом доме держали козу или корову, в каждом втором – свинью, а уж петухи пели во всех дворах. Пленные немцы построили кинотеатр «Октябрь», драматический театр, библиотеку. Немцы маршировали по улицам строем, без конвоя и пели незнакомые песни. После работы они ходили по домам подрабатывать: копали огороды, заготавливали дрова. За это их кормили горячим, давали хлеб или картошку. После победы народ, кажется, простил солдат и видел в них лишь несчастных людей. Даже принародная казнь нескольких фашистских генералов на сооруженных напротив теперешнего ЦУМа виселицах не вызвала особых эмоций. После войны строили все, а тем, кто не мог строить сам из-за перегруженности на ответственной государственной службе, дома строило государство. Чем выше человек занимал должность на госслужбе, тем престижнее оказывался дом. Рядом с парком на улице Горького появился особняк первого секретаря обкома Матвеева. Позже в этом доме разместилась гостиница обкома партии. Напротив, через дорогу, поднялся особняк начальника КГБ Баранова. Ныне там детский сад «Ягодка». Для сменившего Матвеева на посту первого секретаря Бондаренко построили новый особняк по улице Октябрьской. Сейчас

там сад-ясли №15. Особняки были обнесены глухими заборами и тщательно охранялись даже от вездесущих мальчишек. На самых тихих и зеленых улицах Октябрьской и Горького строились дома для работников партийных и государственных учреждений. Напротив «бондаренковского» особняка возвели так называемый «обкомовский дом». Одними из первых построили здания обкома партии и комитета госбезопасности. Позже подо всеми этими строениями сооружались объединенные в одну систему атомные убежища...

Деревянные постройки послевоенного города густо облепили склоны Судков и сбегающих к Десне гористых улиц. Немногие кирпичные строения были или сожжены, или вообще разрушены войной. Довоенные кирпичные здания были такой значительной вехой в городской биографии, что каждому присваивалось название или номер: «1-я Советская больница», «2-я Советская больница», «Дома специалистов», «Пятый корпус», «Девятый корпус» и т. д. Разделенные Судками-оврагами райончики и улицы имели названия: «Петровская горка», «Покровская горка», «Карачиж», «Городище», «Рабочая слободка», «Соловьи», «Лесные сараи», «Кирпичные выселки».

«Городом» называлась часть улицы Калинина от завода «Дормаш» до «Дома офицеров». Естественно, все дороги вели в «Город», ведь здесь размещались базар, вокзал, ресторан, кинотеатр и все основные торговые точки. По оврагам, лесенкам, мощеным булыжником улочкам стекался в «Го-

род» народ. Было принято говорить «пошли в город» даже у тех, кто жил в районе площади Ленина или Карла Маркса.

На старом базаре

Теперь, спустя столько лет, даже старожилам трудно восстановить в памяти место, называвшееся Базарной площадью, а еще раньше, до революции, «Привозом» – по аналогии с Одессой-мамой.

Базарная площадь являлась центром города. Здесь размещались все основные магазины, за мостом через Десну находился вокзал, а в самом центре площади – базар. Официально он именовался колхозным рынком, о чем гордо извещала вывеска над аркой, но колхозам в то время было не до торговли. Впрочем, учитывая, что все крестьяне числились колхозниками, вывеска не противоречила действительности: колхозники там торговали.

На месте теперешнего киноконцертного зала «Дружба» находился дивной красоты заросший деревьями холм, почти отвесно нависавший над базаром. Выходя главным фасадом на улицу Калинина, высился полуразрушенный старинной постройки собор, одно из главных украшений старого Б-ска. Холм поднимался сзади собора круто вверх, метров на 30 – 40, а затем почти отвесно обрывался. В этом месте, у основания холма, сохранились остатки то ли крепостной стены, то ли каких-то построек. В одной из них располагалась ке-

росиновая лавка.

С лицевой стороны собора, по обе стороны от главного здания, шли приземистые кирпичные одноэтажки, в которых разместились магазинчики и автостанция. Сам собор употребили под склад облкинопроката. На вершине холма сохранились звонница и двухэтажный деревянный особнячок. Справа от собора, на улице, ведущей к деревянному мосту, находился двухэтажный кирпичный дом с остатками ажурных металлических ворот. На первом этаже его находился магазин «Одежда», на втором – бюро инвентаризации.

...Собор долго не сдавался безбожным властям. В тридцатые годы сумели уничтожить только главный вход и купол. Уже после войны его стены регулярно крошили, ломали отбойными молотками специально выделенные солдаты. Не сумели осилить собственными силами, вызвали из Москвы подрывников и, наконец, в 60-е годы взорвали. О взрыве торжественно сообщили по радио и в газетах.

На этом не остановились и срезали холм «до основания». Впоследствии на его месте возвели помпезный киноконцертный зал «Дружба», фонтан в форме план-шайбы токарного станка и пустынную набережную, на которой нынче выгуливают собак.

А тогда справа от собора красовались арочные деревянные ворота – центральный вход на базар. По Калининской, подымая едкую пыль, тархтели редкие «эмки», «полуторки», «трехтонки» или же ленд-лизские «студебеккеры»

и «виллисы». Их было меньше, чем пугливых лошадей, которые шарахались от машин, не слушая возчиков.

Напротив базара, на стене теперешней школы рабочей молодежи, висело огромное панно. Бравый румянощекий солдат, с лихим русым чубом из-под заломленной набок пилотки держал в руке, как бы угощая, раскрытую пачку папирос «Казбек». В другой руке он держал уже дымящуюся колечками, наполовину скуренную папиросину. Весь его вид выражал довольство и силу. Внизу призывно алела надпись: «На папиросы не сетую. Сам курю и вам советую!» До борьбы с курением дело еще не дошло.

Сам рынок представлял собой экзотическое зрелище – разнокалиберные деревянные магазинчики, киоски, туалеты, навесы и крытые прилавки. Торговали здесь овощами, фруктами, мясными и молочными продуктами, трофейными вещами и тканями, скотиной и птицей, жестянкой, скобянкой, патефонными пластинками и семечками.

На задах, вдоль берега, ютились катакомбы из разномастных ангарчиков, сарайчиков и навесов – цеха артели инвалидов «Металлист».

Здесь делали металлические кровати, оцинкованную посуду и садово-огородный инвентарь. На заднем выезде стояла кузница, где можно было подковать лошадей.

На левом берегу, напротив базара, к городу подходила железнодорожная ветка. Поутру окутанный дымом паровозик серии «СУ» притаскивал к вокзалу полдюжины вагонов

со станции Б-ск I. Из вагонов высыпал увешанный корзинами, авоськами, мешками торговый люд и через мост спешил на рынок. Территория рынка заполнялась телегами, тачками, коромыслами и «парашютами» – этим чисто брянским изобретением (корзина в платке за спиной).

Горами высились глиняные кувшины, горшки, миски. Гроздьями висели деревянные ложки и лыковые лапти, громоздились дубовые бочки и кадки. Китайцы развешивали бумажные веера, гирлянды, надувные шарики с пищалками. Демонстрировались традиционные безворсовые коврики с расписными лебедями и пухленькими ангелами. Тупо поглядывали свинки-копилки, фарфоровые волки и слоники. Народ толкался, шумел и спорил. Тут и там целыми таборами носились цыгане, карманники, торговцы водой и морсом, леденцами на палочках.

Типажи

– Бабоньки-дамоньки! – зазывал зрителей небритый верзила, потряхивая мешком. – Продаю поросенка! Дешево продаю поросенка!

Верзила шарил рукой в мешке, пытаясь вытащить на свет божий отчаянно визжащего поросенка. Тот не давался. Потеряв надежду справиться с тварью, хозяин зло пинал мешок сапожищем.

– Ты чо, гад, над скотиной издеваешься? – вставал на за-

щиту несчастного кто-то из зрителей под возмущенный ропот остальных.

– А ты не встречай, тебе не продаю!

– Ну, прибил, наверно, свинку, обормот, – сожалела, вздыхая, женщина.

Верзила добивал исходившую визгом свинью об угол киоска и вытряхивал из мешка под ноги зрителей... кирзовый сапог. Мужики хохотали, а бабы с воплями прыгали в стороны.

– О-ё-ёй! – вдруг заходила одна из зрительниц. – Сумку срезали!

А злодей, подхватив сапог, уже растворялся в толпе. Услышав милицейский свисток, все спешили покинуть место происшествия...

Раздвигая толпу выставленной вперед палкой, скакал одноногий инвалид по кличке Журавель. На линиялой гимнастерке звенели боевые ордена и медали. На голове Журавеля, как на витрине, красовалась новенькая восьмиклинка.

– Кому картуз бостоновый? Картуз кому? – зазывал он покупателей.

Пустая брючина по самую культю была набита товаром. Найдя покупателя, Журавель подозрительно осматривался – нет ли рядом милиционера, залезал в расстегнутую ширинку и молниеносно выхватывал из штанины восьмиклинку.

Извлеченный картуз был какого-то линиялого цвета и никак не тянул на витринного собрата. Журавель тут же пресе-

кал все возражения: «Этот не продается, для себя шил!»

Как бабочку сачком, он ловил восьмиклинкой голову клиента, несмотря на то, что тот упирался и крутил головой. Недовольный покупатель возвращал товар и настаивал на витринном образце. Тяжело вздыхая и закатывая глаза, словно расставаясь с самым дорогим в своей жизни, Журавель стаскивал с головы картуз. Когда покупатель рассчитывался, Журавель вынимал из штанины копию проданного и водружал на голову. Несимпатичный экземпляр занимал место в штанине.

– Дяденька, солдатик! – хватали за руки и полы шинели проходящих мужчин цыганята. – Дай рупь!

Чумазые, немытые, они отталкивали друг друга, стараясь первыми схватить подачку.

– Дяденька, дай еще, на пузе и на голове станцуем!

Мужчина нехотя лез в карман: «Ну, давайте, танцуйте!» Цыганята плюхались животами в пыль, били себя по ляжкам и делали корявые кувырки, в то время как девочки хлопали в ладоши и пели противными голосами: «Арбуз-дыня, Шах-на синя...»

– Чистим-блистим! Чистим-блистим! – зазывал клиентов чистильщик обуви, стуча над головой, как турецкими тарелками, щетками.

Прямо на проходе, под ногами у прохожих, безногий гармонист рвал меха. Он пел о трагической истории батальонного разведчика.

«Я был батальонный разведчик,
А он писаришка штабной,
Я был за Расею ответчик,
А он спал с моею жаной...»
А вот заключительные, рвущие души слова:
«Ох, Клава, ты, милая Клава,
Понять не могу я того,
Как ты променяла, шалава,
Меня на такое говно!
Я бил его в белые груди,
Срывая с него ордена...
Эх, люди, вы, русские люди,
Подайте на чарку вина!»

Гармонист утирал ушанкой пот и протягивал ее слушателям. В ушанку летели медяки. Мужчины матерно ругались, глядя на женщин. Женщины сочувственно вздыхали, глядя на мужчин.

На другом конце рынка плотный крутоплечий мужчина в тельняшке зазывал сиплым голосом: «Граждане, перед вами легендарный русский силач, чемпион мира по французской борьбе – дядя Ваня Бежицкий! Па-апрашу образовать круг!»

Обычно дядя Ваня Бежицкий гастролировал в пригородных поездах, играя роль слепого.

– Подведите меня к Ташкенту, – приказывал он своим жуликоватого вида ассистентам. Те подводили его к раскален-

ной буржуйке в центре вагона. Дядя Ваня отогревал здоровенные ручищи: «А теперь внимание. Снаряд!» Ассистенты ставили у его ног двухпудовую гирию.

– Па-апрашу публику проверить снаряд!

Если желающих не находилось, он клал гирию кому-нибудь из пассажиров на колени. Убедив публику в подлинности «снаряда», захватывал гирию мизинцем и несколько раз выжимал. На этом представление обычно оканчивалось, и ассистенты обходили зрителей с шапкой, чутко следя, чтобы медяк бросил каждый.

Птичий рынок

На самых задах базара ближе к мосту, ютился птичий рынок. Из многочисленных садков и клеток неслось щебетание. Голубятники собирались в отдельном уголке у керосиновой лавки, зажав птиц в ладонях, помахивали белоснежными голубиными хвостами, словно веерами, рассматривали голубей и хвалились «охотой». Голубятники называли друг друга «охотниками», а голубятня именовалась «охотой». Было несколько десятков различных игр на голубей. За пойманного чужого – «чужака», платили выкуп. На каждой улице имелось по несколько «охотников», которые на утренней и вечерней заре свистали, поднимая в небо тряпками, прикрепленными к шестам, разномастные стаи голубей.

Большинство почему-то держало голубей николаевской

породы или «тучерезов». Все соседние области водили короткоклювых голубей (почтарей, бойных, косматых). Но у нас кто-то, видно еще до революции, развел николаевских, а косматых и бойных не любили, называя их презрительно «куркотами». Часами вся улица стояла, задрав головы в небо, любуясь полетом белохвостых «бабочек». Самым лучшим голубем считался тот, что летал, почти не описывая кругов, – на одном месте. Такие голуби стоили баснословных денег. Из-за голубей-чемпионов возникали ссоры и драки. О них ходили легенды

Впрочем, других птиц на рынке тоже хватало.

– Эт чо у тебя?

– Как чо – реполов!

– Ля-кось ты, реполов! А чо он на воробья похож?

– Сам та на воробья похож! Говорят те – реполов!

– Да чо я, реполовов не видел?

– Ух ты, говорок!

– Говорок!

– Один такой-то говорок с транды сало уволок!

– А таких мы говорков сшибали... с бугорков! Чо, нечем крыть? Полезай мне в зад картошку рыть!

Назревала драка, обоих уже держали сотоварищи.

– Да пустите его, – кипятился продавец, – да я таких рвал, метал и через себя кидал!

– Борец-бамбула поднимает два венских стула и делает прыжок с кровати на горшок!

– Канай отсюда, пока трамваи ходят!

– Сам канай, аферист чертов! Воробья за реполова продает!

– Да не воробей это, – вступались другие птицеловы. – Это реполов, молодой только...

– А чо у него перья снизу синие?

– А ты сам на морозе три часа постой, – кричал продавец, – сам посинеешь!

Публика хохотала...

Чуть поодаль бабенка торговала курицу.

– А чего ты мне петуха подсовываешь?

– Какого петуха, погляди на лицо, на гребень погляди!

Разве у петухов такие гребни?

– Это молодой петушок, – кипятилась женщина.

– Люди, будьте свидетелями, – призывал продавец, – разве петухи яйца носят? На, щупай! – совал он птицу, – щупай – она ж с яйцом!

Женщина профессионально запускала палец в гузку и довольно долго копалась внутри.

– На, сам щупай, – возвращала она птицу. – Откель у петуха яйца?

– О господи, как же нету, – суетился продавец, – только что было, сам щупал!

Мужчина с неподдельным удивлением лазил пальцем в гузку. Вдруг глаза его загорались от догадки: «Значит, снеслась в корзине! Как я сразу не догадался!» – он шарил рукой

в завязанной сверху тряпкой корзине и торжественно извлекал на свет божий яйцо.

– Теплое еще, – показывал он яйцо окружающим, – только снеслась!

Все враз признавали в птице курицу. Женщина подозрительно отсчитывала деньги и засовывала упирающуюся попку в сетку.

– На, и яйцо бери, – суетился продавец. – Хотя нет. Яйцо она снесла, когда еще моей была! Яйцо себе оставляю, на память... Хорошая несущка была!

Нравы

Над рынком висели гвалт, скрип телег и лошадиное ржание. Бригадами стояли увешанные пилами и топорами приехавшие в город на подработку крестьяне, за небольшую плату готовые срубить избу, распилить и наколоть дров, вскопать огород. Рыбаки торговали вареными раками и речной рыбой.

Пацаны жевали жмых. Когда на рынок ненароком заруливали редкие машины, лошади бились в упряжи, ломая оглобли.

Горланили торговцы семечками, папиросной бумагой и махоркой, шитыми бурками и клееными «армяшками». Редкие нацмены предлагали диковинный урюк и кишмиш. Возле пивного ларька хохотали над анекдотами типа «собра-

лись раз Сталин, Черчилль и Рузвельт» или «собрались раз русский, англичанин и американец». Сюжеты были аналогичны: англичане и американцы оказывались просто крестинами. Правее базара, на том месте, где сейчас высится стена в честь трудовых резервов, прямо напротив горки Фокинской улицы, стояло здание ресторана. Поначалу его называли «Москва», но в соответствующих инстанциях решили, что пить в «Москве» аполитично, и быстренько переименовали в «Десну». В «Десне» пей хоть до упаду, не позоря столицу Родины!

Место выбрали неудачно, так как послевоенные машины едва осиливали подъем на гору. Было несколько случаев, когда, сорвавшись, машины таранили ресторанный фасад. В те времена рестораны посещали одни мужчины. О женщинах, которые бывали в ресторане, тут же узнавал весь город, и это было неизгладимым пятном на их репутации.

Говорили полушепотом: «А знаете, она в ресторан ходит!»

Основными посетителями ресторана являлись офицеры расквартированного в городе авиационного полка, деловые люди с базара и редкие командированные. Ресторан был небольшой, обставленный в старом стиле. В нем царили уют и скромность нэповских времен: в холле стояли фикусы...

...На рынок опускались сумерки. Телега со скрипом разъезжалась. «Парашютистки» гуськом спешили по домам. Расходились и покупатели. Паровозик у вокзала призывно гу-

дел, заставляя поспешить задержавшихся.

Уборщики нехотя сгребали мусор, милиция проверяла территорию. Рынок затихал до следующего утра.

Заводской барак №3

На самой окраине Б-ска, за парком, напротив тюрьмы, там, где кончалась тупиком Васильевская (Горького) улица, на небольшом пустыре притулился заводской барак N 3. Единственным выходом из барака на Трудовую улицу был узкий проход между заборами и огромной, метра в четыре глубиной, ямой. Выходящие на барак частные сады были обнесены высочайшими заборами, поверх которых шло несколько рядов колючей проволоки, отчего территория походила на зону. Третий заводской барак был известен в округе вовсе не тем, что там проживали Манька Тяни-толкай, Маруська Черная и Эдик Черныш, многочисленное племя Киреев – Витька, Эдик, Толик и еще трое меньшего возраста, гермафродит Тонька-Антон, Симута и Бздера, Верка Рябая, Старый Водень и Серега Водень, семья Ковалевой во главе с тетей Дашей, у которой кроме своих Фрузы, Тоньки и Витьки Коваля жили еще племянники Чинарик и Хнык, Колька Великан, Калыба, Титик, Кабан, Хайбик, Та-та-Катой, Милка-Ссака, Верка Железная Кобыла, Роза Цыганка и ее сын Коля-дурачок... Нет! Более всего известность бараку приносило то, что там обитали Богатырь Никитушка и Юра Хам.

В то время все барачные жители от рождения вместе с именем получали кличку. В разговоре человека называли

обычно и по имени, и по кличке одновременно.

Например: Эдик Кирей, Толик Чинарик, Женька Хнык, Юра Хам. Последний был неординарной личностью, о чем свидетельствовали его многочисленные клички: Челада, Пяла, Осмодей, Коки, Отладка, Цыпка, Гаврош... Юра Хам был сыном Кабанихи, огромной женщины по кличке Богатырь Никитушка.

Сколько в бараке жило народу, точно сказать было совершенно невозможно. Детей в возрасте до 14 лет было, пожалуй, раза четыре больше, чем взрослых, мальчишек – раза три больше, чем девчонок. Среди взрослого населения женщин было раз в пять больше, чем мужчин.

Зимой заводской барак замирал: взрослые работали, а у детей не было зимней одежды, и они после школы сидели по домам. Зато весной он начинал гудеть, как растревоженный улей.

Барак просыпался засветло и разом. Над сортиром роились миллионы разноцветных мух, комаров и прочей кровососущей нечисти.

Когда сходил снег, в овраге начинались футбольные баталии. Матчи длились от рассвета до заката. Футболом болели все, особенно после триумфальной поездки московского «Динамо» в 1945 году в Англию, где наши любители разгромили знаменитых английских профессионалов с общим счетом 19:9. Книжка с таким названием – «19:9» – ходила по рукам, зачитывалась до дыр, а имена Боброва, Хомича, Беско-

ва звучали наравне с именами героев-фронтовиков. На любой мало-мальски подходящей площадке кипели футбольные баталии. Мячи не выдерживали. Покрышки штопали, а камеры заклеивали до тех пор, пока живого места не оставалась. Когда камера приходила в полную негодность, покышки набивали сеном, тряпками, ватой, стружками. Такие мячи были тяжелыми, отбивали руки и ноги, тем более что играли в футбол босиком. В футбол играли все, даже Тата Катой, даже гермафродит Тонька-Антон.

Тату Катого ставили в центр защиты. Тата стоял на месте и косил всех попадающих в радиус действия его длинных ног с острыми, как бритва, ногтями. Тата Катой на самом деле означало Саша Косой. Из его сплюсненной физиономии с двумя косыми разномастными глазами выходил какой-то сип, в котором отчетливо слышалась почему-то только согласная буква Т.

Вечером на гребне оврага появлялась монументальная Богатырь Никитушка, громовым голосом загонявшая сына домой:

– Юра Хам, змей нявдобный! Чтоб на табе порча нашла! Ты увайдешь домой али нет?

Играющие затихали, но матч продолжался, Не добившись ответа, Богатырь Никитушка зло поворачивала домой, бросив перед уходом:

– Ну, ляди, туруруй! Приди только домой, я те патлы повыдираю, паралик на тебя!

Юру Хама называли хозяином садов и огородов, потому что не было ни одного двора в округе, где бы Хам не побывал, опустошив деревья или грядки. Основной одеждой его во все времена тогда были поношенные рейтузы старшей сестры. Рейтузы были набедренной повязкой, запазухой, кошельком, авоськой и даже рыбацким неводом. В этих рейтузах всегда находились яблоки, сухари, конфеты, огурцы, помидоры и прочие продукты. Юра Хам знал наизусть распорядок почти всех владельцев садов-огородов: когда и в какую смену работают хозяева, когда бабки ходят на рынок или в церковь, когда учатся дети.

Лазил он дерзко и наверняка, хотя случались проколы. Однажды Юра Хам спрятался в гастрономе за бочки и, дождавшись закрытия магазина, стал хозяйничать. Наевшись всего понемногу, он решил переспать за бочками. После полуночи начальник брянской милиции майор Гуркин, проверив все посты и заключенных в КПЗ, умиротворенный шествовал домой. У гастронома он встретил бодрствующего сторожа. Майор Гуркин оглядел объект:

– Лампочку надо б поярче ввернуть!

– Дык все видно.

Майор Гуркин заглянул в полутемный тамбур и остолбенел: на полу распластался человек в сатиновых рейтузах без признаков жизни. И майор говорит, стал свистеть в свисток, пока не потерял сознание. «Скорая» увезла обоих. Из Юры Хама в тот раз выкачали почти полведра меда, а майор Гур-

кин поседел в ту страшную ночь... Так, по крайней мере, рассказывали у нас в бараке.

Для голодных барачных лучшей порой было лето. Мы со-сали цветы клевера и какие-то стебли, откапывали корни, жевали почки. На костре в овраге кипели крапивные щи с грачагиной. В дело шли еще не оперившиеся птенцы. Гермафродит Тонька-Антон лазила на самые высоченные тополя и сбрасывала вниз грачиные гнезда.

Тонька-Антон была угрюма и немногословна. В гимнастерке, в свалывшейся юбке над стоптанными сапогами, она держалась особняком, зверски курила и материлась. В отличие от живущего через несколько подъездов Коли-дурачка, вечно напомаженного и подкрашенного, Тонька-Антон была всегда нечесана и немыта.

С утра барачная ребятня собиралась в кучки и разрабатывала разнообразные планы: где и что можно украсть, стирить, стибрить, сбондить, увести, замылить, спиговать, вертануть. Тащили все – и что плохо лежит, и что хорошо охраняется. Особый урон наносили Огороднику Кузнецову. Огородник обеспечивал весь Б-ск рассадой и ранними овощами. Это был гигантского сложения старик, вечно под градусом, с красной индюшачьей шеей. Даже в морозы он ходил без головного убора и в расстегнутой до пупа толстовке. Что только не придумывал Огородник, чтобы уберечь свои парники от посягательств. Никакой забор не был препятствием, а собака через некоторое время становилась послушной Юре

Хаму, который находил с ней общий язык, как цыган с лошадыю.

Наконец Огородник решил сделать в одном из парников засаду. Юра Хам разведal эту хитрость и, подкравшись к задремавшему в парнике сторожу, забросил туда «дымовуху», предварительно сбив с рамы парника подпорку. Через минуту из парника выскочил весь обезумевший Огородник и, круша по пути драгоценные парники, понесся к дому...

С ранней весны до поздней осени барачная ребятня не знала обуви, а Юра Хам умудрялся бегать босиком между подъездами или до сортира даже зимой. Ноги его были круглогодично покрыты цыпками, а на подошвах была такая толстая кожа, что Хам запросто втыкал в нее горящую спичку, и она сгорала на коже, не причиняя, похоже, ему особой боли.

Однажды по бараку разнесся слух, будто под полом поселились чьи-то кролики. Были да они там на самом деле, никто толком не знал, но слухи будоражили воображение: кто-то видел уже троих, кто-то даже десятерых кроликов.

Барак зажил тревожной и напряженной жизнью: изловить и сожрать чудесного кролика стало делом чести каждого жильца. Юра Хам и тут решил опередить конкурентов. Втихаря Хам вбил у крыльца кол с проволочной петлей. Утром ничего не подозревающая Богатырь Никитушка, как всегда, бежала в сортир. Попав в петлю, она вырвала ее вместе с колом и, пролетев ракетой десяток метров, рухнула на чей-то

сарайчик.

Юра Хам сердцем почувствовал беду и, выглянув в окно, увидел выползающую из дров маму с тянущимся за ее ногой колом. Хам смылся вовремя, потому что Богатырь Никитушка жаждала мести. Еще с неделю она ходила по краю оврага, держась за ушибленную ягодицу, и призывала сына явить благоразумие и добровольно вернуться домой. В глубоких сумерках над бездной оврага гремел ее вулканический голос:

– Юра... Хам... Антонов огонь на табе! Приди только домой, бычачьи твои яйца! Обезьян лопуухай! Ты думаешь домой идти аль нет?

Когда на крыльце Богатыря Никитушки, самом многолюдном и вместительном, разгорался очередной скандал, из комнаты вылезал заспанный Коля-дурачок, выходил в центр и скидывал портки. Скандал враз прекращался, и бабы, проклиная дурака, бросались врассыпную.

Коля-дурачок был старшим сыном Розы Цыганки. Была ли Роза на самом деле цыганкой и был ли Коля на самом деле дураком? Кто знает! Но Роза была похожа на цыганку, а Коля придуривался. Он развлекал публику песнями, танцами, прибаутками и разными пошлостями. До того, как общился к спиртному, был всеобщим любимцем.

Коля-дурачок неохотно общался с простолюдинами, зато изощрялся перед власть имущими и богатыми, понимая, где можно урвать кусок пожирнее. Он играл роль придворно-

го шута. После войны Коля-дурачок развлекал в ресторанах офицеров, которые угощали и поили его.

Несмотря на то, что петь, плясать и паясничать ему приходилось, как говорится, по долгу службы, Коля был исключительно артистичен и музыкален. Музыка возбуждала его настолько, что он буквально преображался, начинал подергивать плечами и закатывать глаза. Он знал наизусть все транслируемые по радио песни, оперетты и арии из опер.

Когда на крыльце собиралось достаточно публики, Коля-дурачок давал представление. Особенно он любил «Сильву», где играл и пел одновременно за Эдвина, Сильву, Бонни и Воляпюк, умудряясь играть и за оркестр марши, увертюры и антракты.

Особенно возбуждали Колю-дурачка цыганские мелодии. Когда в городе гастролировали цыганские ансамбли, накрашенный и на помаженный Коля-дурачок с завитыми волосами, в бессменном кителе с украденной медалью «За отвагу» пробирался к самой рампе и пожирал глазами исполнителей. Иногда его артистическая душа не выдерживала, и он прыгал на сцену.

Однажды на летней эстраде городского парка культуры шел концерт ансамбля «московских и венгерских цыган». Несмотря на столь экзотическое название, ансамбль ничем бы не отличался от других, если бы не солистка – худющая двухметровая девица с невероятным именем Колумба Цветная и пронзительным голосом. В самый разгар табор-

ного веселья из-за кулис появился разукрашенный Коля-дурачок. Глаза его остановились, он словно окостенел, замороженный происходящим на сцене. В следующий миг с криком «Сильва!» он подскочил к Колумбе и попытался поцеловать ей руку. Ансамбль «московских и венгерских цыган» пришел в замешательство. Колумба выдернула руку, но Коля-дурачок грохнулся на колени и, раскопав в куче юбок ногу Колумбы, припал к ней губами. Колумба с криками прыгала вокруг Коли на одной ноге – вторую он держал мертвой хваткой.

– Сильва, ты меня не любишь! – кричал он. – Сильва, ты меня погубишь!

Затем Коля бросил Колумбу и зашелся в чечетке, вращая глазами.

И только с опозданием появившийся на сцене майор Гуркин сумел прекратить это форменное безобразие.

– Я Баранела, я Чебурела! – кричал Коля-дурачок, покорно отдавая себя в руки начальника милиции.

А потом в третьем бараке произошло знаменательное событие: впервые за десять послевоенных лет игралась свадьба. Женился Коля-дурачок. Наряженный в синий костюм с цветком в петлице, он шел счастливый и обалдевший, держа под руку также нарядную и счастливую Лиду-дурочку, сватанную ему в Теменичах. Молодые шествовали по Трудовой в окружении шаферов, сватов и друзей. Многочисленная толпа радостно гудела.

Наиболее удачливые попали за стол, остальные расположились на крыльце или просто под окнами. Самогон завезли родственники невесты, закуска была скудной. В комнате пахло жареным салом и картошкой. Кричали «горько» и пели про «молодого Хасбулата», на улицу страждущим сваты выносили кружки самогона и соленые огурчики. Мужики дымили махрой и мочились у крыльца. Бабы, отплясывая, голосили частушки.

Но уже утром Коля-дурачок, как обычно, забежал в кусты за сортиром и занялся «детским грехом». Неделю спустя Лида забрала пуховую подушку и ушла восвояси. На недоуменные вопросы баб она произнесла философскую фразу:

– Не такая уж я дура, чтоб с таким дураком жить!

Все вернулось на круги своя. Иначе и быть не могло: Коля-дурачок не должен был принадлежать никому – он принадлежал всему городу.

Когда намыли дамбы через Судки и стал ходить автобус, Коля забирался на сиденье кондуктора и объявлял остановки. Причем делал это с юмором и очень оригинально:

– Остановка Горбоедова!

– Остановка драмтеатр! Кому за водкой, 35-й гастроном напротив!

– Остановка чуть-чево (имелась в виду улица Тютчева).

Последние годы своей жизни Коля погрустнел. Умерла его мать. Он часто ходил нетрезвым и всем встречным рассказывал, как ее любил.

Кстати, у Коли-дурачка был конкурент Эдик-дурачок. Это был Колин антипод, хотя и носил такой же офицерский китель. Эдик был суров и не очень общителен. Друг друга они не любили и называли не иначе как дураками. Правда, территория города была негласно ими поделена. Если Коля-дурачок со временем сменил китель на гражданский пиджак с цветком в петлице, то Эдик до конца не изменил военному прошлому. На кителе Эдика с каждым годом появлялось все больше орденских колодок и гвардейских значков. Самыми радостными минутами были для него парады. Эдик пристраивался к увешанным наградами ветеранам и гордо вышагивал во главе колонны.

...Однажды холодной осенней ночью в последний троллейбус второго маршрута на остановке «Мясокомбинат» ввалился Эдик. Вид его был дик. Кроме промокших трусов и майки на нем ничего не было. Эдик опирался на березовый кол. В глазах горел огонь подвига.

– Эдик, что с тобой?

– С фосфоритного сбежал! Они меня, гады, решили в дурдом засадить! Меня! – Эдик ударил себя в грудь кулаком. – Да меня весь город знает! А врач там придурок приезжий и меня не знает!..

...И вот пронесся слух, что барак будут расселять. Слух оказался правдой. Когда расселили уже весь барак, в одной из комнат продолжало светиться окошко. Это Симутиха вела борьбу с властями за отдельную жилплощадь.

Жаркой июльской ночью барак занялся сразу с четырех углов. Трухлявые его стены факельно чадили, с крыши в разные стороны летела с гранатным треском черепица. Прибывшие, как всегда, с опозданием пожарные не столько тушили пожар, сколько следили, чтобы огонь не перекинулся на соседние дома. Среди любопытных бегала Симутиха в наброшенном поверх ночной рубахи пальто и галошах.

– Надо же, я как с пожара: не оделась, не обулась, – говорила она отрешенно.

Часам к десяти утра третий барак перестал существовать. Сгорел он натурально дотла. Еще долго на этом месте не росла трава.

...Жизнь разметала детских товарищей моих. Исчез куда-то Юра Хам. Кто-то уехал, кто-то помер. Но когда встречаешь кого-то из старых друзей по бараку, после коротких приветствий обычно начинается: «А помнишь?..»

«Одесский» персонаж

Каждый входящий на рынок через центральный вход при всем желании не мог разминуться с растопырившейся прямо на проходе деревянной треногой. Над треногой, предупреждая возможные сомнения, красовалась рукописная табличка с категоричной надписью «ФОТОГРАФИЯ-ПЯТИМИНУТКА». Рядом на выдавшей виды табуретке покачивался эмалированный тазик с косячком плавающей поверху готовой продукции. Хлопотал тут невысокий, худощавый, с блестящей золотом фиксой во рту хозяин «пятиминутки» Фимка Маковский. Вокруг треноги всегда кучковались клиенты, фарцовщики, мазурики и просто охочие до зрелища зеваки. Фимка не столько работал, сколько давал представление. Фимка как падишах восседал на табуретке. Время от времени, помешивая пожелтевшим от химикатов пальцем в тазике, он непринужденно зазывал клиентов: – Мальчишки, девочки, граждане, дамочки! Делайте портреты на паспорта и анкеты, на пропуска и дипломы, в семейные альбомы...

С Великой Отечественной он вернулся с боевыми наградами, контузиями и потерянным глазом. Убедившись, что потеря не является помехой в работе, он продолжил семейный гешефт. Маковский числился частником и, естественно, вступал в невольное противостояние с генеральной линией государства. Не выдержал борьбы и прикрыл дело сшивший

форменки всему командному составу гарнизона Аврущенко. Сошли с дистанции зубные техники сестры Рейдер, озолотившие челюсти каждому второму жителю города, включая партийный и советский аппараты. Зачехлив зингеровскую машинку, сдался на работу в ателье лучший городской закройщик Король... А Фимкина тренога с трудом, но держалась, как Брестская крепость. Однако в стране было объявлено о строительстве коммунизма, чей призрак, по утверждению классиков, не отводил частнику места под солнцем. Но пока Фимка еще священнодействовал у аппарата.

– Мальчик, мальчик, смотри сюда, в глазок. Сейчас птичка вылетит!

– А птичка где?

– Как где? Улетела!.. Ну а ты, милый, куда шнобелем крутишь? Куда я тебе говорил смотреть?

Мужчина неуверенно поджимал ноги под табуреткой:

– У дырку етту, откель птичка вылетит! Птичка уже вылетела, когда тут мальчик сидел. Больше птички нету!..

– А ты куда должна смотреть? – ласково вопрошал он оседлавшую табуретку бабенку.

– В глазок энтот вот! – уверенно отвечала та, нет-нет, да и зырякая глазами исподтишка в зажатое в руке зеркальце.

– Да не в глазок, а в глазки. Смотри в мои глазки! Убедившись, что клиентка смотрит на него во все глаза, он вдруг выгребал из глазницы свой стеклянный протез, держал его некоторое время двумя пальцами и... отправлял в рот. Кли-

ентка в испуге выкатывала глаза.

– Ну вот, другое дело! – Фимка делал снимок. – Все, милая, готово. Слезай!

Клиентка продолжала сидеть, ухватившись руками за табуретку.

– Ну ладно. – Он доставал глаз изо рта и вставлял его на свое место, возвращая бабенку к жизни.

– Ой, ой, – крестилась та, сваливаясь с табуретки, – ой, страсти господни!

– Через пять минут, не забудь, я возвращаю ваш портрет! – кричал он вслед улепетьвающей женщине. Место на табуретке занимал угрюмый гражданин. – Картуз снимите, милейший!

– Так сымай! Сымай так, говорю, я босый!

– Так я тебя не разуваться прошу. Может, ты лысый?

– Ну!

– Баранки гну! Снимай картуз, а то брат не узнает!

– Не, в картузе узнает. А то подумает, что меня замели!..

– Давай без фокусов, – усаживался на табуретку, как курица на гнездо, очень серьезный с виду мужик. Он стаскивал картуз, раскладывал аккуратно его на коленях и грациозно пятерней расчесывал свалявшиеся волосы.

– Готов? – вопрошал ставший тоже серьезным фотограф.

– Чичас гимнастерку заправлю и готов!

Фимка скрывался под накидкой:

– Да ты не дуйся, дядя. Сиди спокойно, как на допросе!

Тот принимал на мгновение расслабленную позу, но затем непроизвольно снова хмурил брови и набычивал шею. Фимка вылез из-под накидки:

– Ты кто, колхозник?

– А чо?

– А то, что с такой физиономией тебя за кулака примут.

Раскулачат, а я виноват буду!

Пока тот соображал, как отреагировать на реплику, Фимка снимал колпачок с объектива.

– Слышь, ты, снимай. Хватит ляскать!

– Так снял уже!

– Не, я серьезно говорю, снимай!

– И я серьезно говорю, снял уже. Все!

– Как все?

– Так, все! Погуляй чуток и приходи за фото! Мужик неуверенно покидал табуретку и, бурча под нос, отходил в сторону. Спустя время сфотографировавшиеся возвращались к треноге.

– Ну, готово?

– Быстрый какой! Ты ж только снялся!

– Как только, – мужик вытащил из брючного кармана часы на цепочке и поднес к глазам, – уже восемь минут прошло!

– Ух, ты быстрый какой. Быстро только кошки дерутся!

Погуляй еще чуть-чуть.

– Эт сколь же чуть-чуть? – он снова смотрел на часы.

– А как проявится, закрепится...

– Так что ж получается, не пять минут?

– Ух, ты какой бухгалтер! Давай считать. Я тебя снял за одну минуту, так?

– Ну, так...

– Минута во сколько раз меньше пяти? В пять раз, так? –

Ну! – Баранки гну! Значит, я тебя снял в пять раз быстрее. А на все остальное осталось четыре минуты!

– Ну!

– А раз снял в пять раз быстрее, имею полное право все остальное сделать в пять раз медленнее, для баланса. Вот теперь четыре минуты умножь на пять, умножил? Сколько получилось? Двадцать! Двадцать и одна – это двадцать одна минута! Иди, веди любого бухгалтера, пусть проверит расчет!

И мужик отходил в смятении.

– А чой-то у меня глаза мутные? – разглядывал фотокарточку другой.

– Пить меньше надо!

– Дык это я теперь выпимши, а когда фотографировался – ни в одном глазу!.. Слухай, ты мне яйца не крути! Я три раза на хронте контуженный! На хрена мне такая фотокарточка? Я счас этот твой гребаный миномет к хреновой матери разнесу!

– Ну, дорогой мой, чем тебе глаза не нравятся – нормальные глаза! Ну, посмотрите, – он совал фото окружающим, – глаза как глаза!

Все признавали его правоту. Клиент успокаивался и забирал фотокарточку.

– Ты, может, меня потом всю жизнь благодарить будешь, – говорил Фимка, дружески обнимая клиента. – Может, это твоя последняя фотография в жизни!

– Эт чегой-то? – настораживался клиент. – Всякое может случиться: или аппарат сломается, или я помру, или тебя посадят!

У тазика стоял и копался в растворе пальцем лысый в картузе:

– Дык нет меня тут!

– Есть, куда же ты денешься? Лучше гляди!

– А чо глядеть, тут бабы одни!

Фимка подошел к тазику:

– Ну как бабы, а это что, не ты?

– Вроде не...

– Как не? Пиджак твой? Твой! Рубаха твоя?

– Вроде моя...

– А говорил, одни бабы, – бурчал фотограф, вылавливая фотографию и стряхивая с нее воду. Он мгновенно стащил с головы мужика картуз и припечатал фотокарточку к лысине. Затем нахлобучил сверху картуз.

– Не трогай, – напутствовал он клиента, – отглянцуетса, сама отскочит!

Тот нерешительно делал несколько шагов в сторону от треноги, с сомнением шупая через материю прилипшее

к черепу фото.

– Эт чо ты мне такую морду наворотил? – удивлялся следующий.

– Я ж тебе говорил, не дуйся! – улыбался Фимка.

– Да я вроде и не дулся...

– Вроде Володи. Выходит, это я за тебя дулся?

– Мужики, – искал сочувствия тот у окружающих, – да у меня сроду такой морды не было! Чо я, в зеркало не глядюсь?

Он взял ручное зеркальце и очень внимательно стал изучать свою физиономию.

– Не моя это морда! – категорично заявлял клиент. – На хрен мне эта твоя фотография!

– Не твоя?

– Нет, не моя!

Фимка было хотел и дальше убеждать строптивца, но вдруг глаз его загорелся огнем первооткрывателя.

– Эй, мужик, стой! Вот ты, лысый, иди сюда! Снимай картуз, покажи фотокарточку! Ну вот, – удовлетворенно говорил фотограф, передавая карточку хозяину, – схватил случайно чужую карточку. Извини, друг!

– Ну, энто другое дело! – говорил тот удовлетворенно. – А как жа ж я? – растерянно разводил руками лысый.

– Что ты переживаешь, там их полный тазик плавает, найдем и тебя. А не найдем, так сфотографируем еще хоть десять раз!

...Время шло. Маковский еще не терял оптимизма и по-прежнему заказывал в ресторане «Роземунду», но его обкладывали все упорней. Финалом стали статьи в газете и стенд в скверике Карла Маркса, где последнего частника выводили халтурщиком и пережитком прошлого. Вдобавок ко всему ему пришили дело по спекуляции.

В последнем слове на суде Фимка произнес знаменитый монолог «А судьи кто?!» Это привело к смятению в стане судей и народных заседателей. Одни удивлялись тому, что Маковский написал такие талантливые стихи, другие доказывали, что он украл их у Грибоедова. Рассказывали, что в колонии он руководил самодеятельностью. Начальство упорно не хотело с ним расставаться... Так или иначе, в один прекрасный день Фимка вышел на волю, но фотографией больше не занимался. Однажды на площади Ленина появилась телега, на которой как ни в чем не бывало восседал, натягивая вожжи, Фимка Маковский. И телега, и кобыла с заплетенной в косички гривой принадлежали славной артели «Искра». Сам возница числился в штатном расписании агентом по сбору вторичного сырья.

...А где, как вы думаете, мог жить Фимка Маковский? Конечно же, только в самом центре города, на площади Ленина. На том месте, где теперь торчит десятиэтажная короб-

ка здания городской администрации, стоял особнячок горисполкома (бывший дом купцов Могилевцевых). Рядом прилежал одноэтажный деревянный домик, в котором кроме семьи Маковских проживали еще и легендарные братья Кузерины, с чьими именами связаны яркие страницы послевоенного городского футбола.

Так вот после вступления в артель «Искра» Фимке снова пришлось вступить в противостояние с властями за право проезда на телеге через площадь Ленина к собственной квартире.

У ЦУМа был поставлен регулировщик с белым жезлом и в белых перчатках. Удивительно, но именно этот регулировщик вызывал весьма странную реакцию у лошади Маковского: подлая наловчилась справлять физиологическую нужду прямо перед стражем порядка.

Регулировщик подал рапорт на имя командира отделения. Командир отделения – командиру отряда, тот – начальнику ГАИ, начальник – председателю райисполкома, а уж тот, соответственно, председателю горисполкома. Кончилось тем, что на перекрестке торжественно установили знак, запрещающий въезд на площадь гужевому транспорту.

И тогда Маковский навесил на телегу подфарник. Возница упорно доказывал, что не нарушает ПДД и что телега, оборудованная электрооборудованием, уже не телега, а относится по всесоюзному классификатору к классу автомобилей мощностью двигателя в одну лошадиную силу.

В офицерской столовой стояли обеденная толкотня и гул. Очередь росла и роилась. К дверям столовой подкатила телега. Фимка деловито укрыл спину кобылы пледом от насекомых и поспешил к кассе. Вы замечали, отчего люди начинают спешить? Они начинают спешить, когда обзаводятся транспортом. Фимка приехал на телеге и уже поэтому торопился. Но ни его авторитет, ни знакомые официантки, ни ссылки на нехватку времени, ни шуточки-прибауточки не могли поколебать очередь. Дежурный офицер неуважительно оттащил его от кассы. Фимка, не говоря ни слова, подвел офицера к окну и королевским жестом откинул занавеску. Стоящая за окном кобыла бросила жевать сено, просунула голову в окно и, задрожав верхней губой и страшно оскалив желтые зубы, заржала на офицера.

– Мы мирные люди – продекламировал Фимка, – но наш бронепоезд стоит на запасном пути!

И под одобрительный шум проследовал к кассе.

– Может, я что-то не понимаю, – делился своими сомнениями Фимка, – или среди вас есть умный человек? Вы мне можете объяснить, что такое врач?

– Так вы не знаете? Тогда слушайте меня! Врач – первый человек в городе! Так вот мой сын, чтоб он так жил, получил три образования: начальное, среднее и высшее. Он кон-

чил медицинский институт. Так я думал, он теперь обеспеченный человек! А сколько, вы думаете, ему положили? Ему положили сто рублей в месяц! Так для этого, я спрашиваю вас, надо было учиться 15 лет? Слава Богу, что у него есть папа, и, слава Богу, что папа еще зарабатывает копейку!

...Все проходит. Все меняется. Теперешние рынки мало чем напоминают тот, на котором стояла его тренога, и улицы Б-ска совсем не те, по которым пылила его телега. «Нашел о чем писать, – сказал мне один очень серьезный товарищ. – Мало ли в городе было интересных людей! Их именами названы улицы, о них рассказывают музейные стенды и памятные доски, они строили, творили, писали, открывали... Да тут только копни!»

Он, конечно, прав, этот серьезный товарищ. Наверное, даже наверняка среди них были интересные люди. Но они сидели в кабинетах, залах заседаний или в творческих мастерских, и мне с ними общаться не доводилось. Зато я прожил жизнь бок о бок с теми, без которых вряд ли в полной мере можно составить полное представление о нашем городе. Вот о них я знаю. О них и рассказываю...

Уллуна

Город жался к реке. Когда на единственной, проложенной вдоль правого берега Десны, улице не стало хватать места, строения, торопливо расталкивая друг друга, полезли на горки, отгораживаясь разномастными и разнокалиберными заборами и палисадниками. Совсем недавно по городу прокатилась война, о чем напоминали многочисленные смотрящие черными глазницами окон развалины и преобладающий защитный цвет одежды несношенных еще после демобилизации гимнастеров и шинелей. На самой макушке Ленинской» улицы, где ее пересекала улица Луначарского, стояли два двухэтажных, еще дореволюционной постройки дома с кирпичными первыми этажами и бревенчатыми вторыми. Дома объединяла в общий ансамбль массивная кирпичная арка. Арка вела в затененный двор, ограниченный по всему периметру приземистыми кирпичными строениями, служившими, видимо, ранее амбарами и конюшнями, а теперь приспособленными под жилье. До революции дома принадлежали то ли купцам, то ли приказчикам, а теперь их населяла пестрая армия жактовских квартиросъемщиков.

Один из них, жестянщик и отличник промкооперации Лазарь Рабинович, принялся как-то за общественно полезное дело – изготовление нового номерного знака. Старый насквозь проржавел и скособочился, отчего Лазаря никак

не мог отыскать объявившийся родственник из Жмеринки. К тому же старый номерной знак вызывал неудовольствие участкового милиционера Полтора Ивана. Лазарь Рабинович подошел к делу основательно и ответственно: смастерил из оцинкованной жести рамку, вставил в нее стекло и, обставившись кистями, растворителями и красками, приступил к написанию текста.

Лазарь Рабинович носил галифе с вечно болтающимися штрипками и гимнастерку с медалями «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», орден Красной Звезды и значок «Отличник промкооперации». Орденом Красной Звезды награждали за серьезные ранения. Лазарь получил на фронте контузию, был инвалидом войны, а потому и работал в артели инвалидов жестянщиком, где и был награжден за ударный труд значком «Отличник промкооперации». Лазарь очень гордился значком. Еще бы! Если ордена и медали были почти у всех фронтовиков, то такого значка не *было* больше ни у кого, даже у маршала Буденного. Вокруг скамьи, облюбованной им под творческую мастерскую, толкались любопытные. Мишка Милорадов, грузчик железнодорожной станции, отгреб несколько в сторону и долго, внимательно смотрел нефокусирующимся взглядом на Лазареву работу.

– На морду Рабинович, а в натуре Левитан! – констатировал Мишка, удивляясь, как Лазарь умудряется писать буквы на обратной стороне стекла и в зеркальном изображении.

Рамку оставили сохнуть до утра под застрехой. Утром Лазарь Рабинович, жестянщик и отличник промкооперации, поспешил во двор к своему творению. В прозрачной синеве зарождающегося утра кружились пушинки. Сонька Кац на веранде второго этажа потрошила курочку. Пушинки, как магнитом, притягивало к крашеной рамке. Увидев подобное безобразие, Лазарь Рабинович задохнулся от возмущения и выразил в сторону Сонькиной веранды свое категорическое «фе!». Сонька выглянула наружу и, увидев Лазаря, завелась с пол-оборота. Сонька всегда находилась в страшно возбужденном состоянии, с ней старались не вступать в пререкания и «за глаза» называли «мишугенэ». С Лазарем Рабиновичем у нее была родовая вражда. То ли его прадед охмурил ее бабушку, то ли наоборот, толком уже никто не помнил, но они враждовали семьями, как Монтекки и Капулетти.

Лазарь Рабинович, жестянщик и отличник промкооперации, пытался снять пух со стекла и матерно выражался.

– Об чем увесь этот шум, детка? – выползла во двор подслеповатая тетя Песя Курцер.

– Да вот, – как можно вежливее объяснил Лазарь, поднося к ее глазам рамку, – опять эта «мишугенэ» весь двор своими перьями забросала!

Сонька взвыла наверху, как раненая волчица, и на еврейском языке призвала Всевышнего ниспослать на голову супостата пару простых и пару гнойных фурункулов.

Жестянщик и отличник промкооперации, естественно,

такого спустить не мог и уже на русском, для большей убедительности, отпарировал трехэтажным матом, так как тот еврейский, кроме этих пресловутых фурункулов да еще лихорадки и повышенной температуры, не располагал более весомыми аргументами. Из квартир на территорию двора стали выползать заспанные квартиросъемщики. Дело в том, что мирная жизнь протекала внутри квартир, тогда как скандалы выплескивались на всеобщее обозрение.

– Шо, опять скандал? – выскочил во двор в шароварах и белых тапочках подполковник Захаров, служивший где-то в органах и совершавший по утрам пробежки и гимнастические упражнения.

– Да вот опять Сонька, – пожаловался ему жестянщик и отличник промкооперации, – на голову всякую дрянь сыпет!

Подполковник Захаров безучастно посмотрел на веранду и побежал трусцой со двора.

– Где вы видите голову? – неслоь с веранды. – Если это голова, то что такое у Ароновой кобылы жопа?

– Что, где кобыла? – протирал со сна глаза Арон, агент по сбору утильсырья артели «Искра» – Я ж ее сам вчера распряг и в станок поставил!

– Соня, – как можно убедительней обратилась к веранде тетя Песя, – Соня, как Вы так можете ругаться? Вы уже с утра поставили на ноги весь город!

– Покажите мне город, – бушевала Сонька. – Она назы-

вает городом каких-то 50 тысяч недоделков!

– Бешеный баб! Ну, сапсем бешеный баб! – с опаской поглядывая на веранду, констатировал. Зенатулла Шамсияров. – На цэп сажат нада!

Какой национальности был Зенатулла, ведал, пожалуй, только участковый Полтора Ивана, а все остальные знали, что он «нацмен» и присматривает в колонии за овчарками. То, что профессия его именовалась «кинолог», не ведал никто, включая самого Шамсияра. Все считали, что он «собаковод».

– А этого собаковода кто здесь звал? – заорала Сонька дурным голосом. – Это тебе не с собаками гавкать!

Шамсияр поспешно ретиро вался со двора.

– Соня, – прикрыв глаза от солнца ладошкой, заговорил с верандой неистребимый юморист, фотограф Фимка Маковский, – Соня, это Вы повесили на веранде сушить бюстгальтер? – Сонька на минуту умолкла и выглянула наружу.

– Вы, да, – продолжил Фимка, – так идите и сгоните детей! Они думают, что это гамак, и катаются в нем парами!

– Свои, снюхайтесь! – пытался утихомирить скандалящих Васька Астахов, кузнец с «Арсенала». – Говорят, евреи дружный народ, а эти, как собаки!

– Шо за шум, а драки нету! – перед Лазарем появился еще не совсем отрезвевший ото сна Мишка Милорадов.

– Да вот, Миш, – жаловался ему Лазарь Рабинович, снимая с лысины пушинки.

– Да черт с ней, с головой! – рыгнул Мишка, – А за такую вещь, – он указал крючковатым пальцем на рамку номерного знака, – за такую вещь я пасть порву – дело общественное! – Мишка явно придавал случившемуся политическое значение.

Сонька быстро смекнула, что противостояние такому оппоненту, как Мишка, да еще с такой трактовкой, чревато и захлопнула створки. Двор опустел, а на том месте, где только что толкались квартиросъемщики, делал приседания подполковник Захаров. Удрученный Лазарь Рабинович осторожно обирал со стекла пушинки. Когда день спустя он прибил новую вывеску, равнодушных не было. Вывеска стала всеобщей гордостью жильцов. На утренней и вечерней зорьках она отсвечивала рубиновыми бликами. Все, кто мог читать, раз за разом останавливались и по слогам произносили выведенные там слова: «Ул. Луначарского 57». Даже Сонька, бросив попервости пару ехидных замечаний, в душе осталась довольна Лазаревым творением. Особый же восторг новый номерной знак вызвал у Полтора Ивана, который водил, как на экскурсию, домовладельцев даже с других улиц и, показывая на вывеску, не находил слов:

– Ить ёксель-моксель здорово живешь! А ить того-этого, надоть додуматься! Ведь ежели оно каждый тым-той в сознательность вошел, так оно, я думаю, фактически так-то вот... и кругом порядок.

Вывеска гордо провисела до весны, пока отвалившийся

вместе с наледью кусок карниза не выбил в ней брешь посередине, оставив непонятное Луна 57». Гораздый на выдумки фотограф Фимка Маковский стёр точку после «Ул» и назвал дом «Уллуной», а жильцов соответственно «уллуновцами».

Сады нашего детства

Б-ск был всегда яблоневым краем. Москвичи, уральцы, северяне ехали сюда специально за яблоками.

Как бы вознаграждая хозяев, сады выплеснули после войны всё своё великолепие. Каждую весну послевоенный деревянный город заливало по самые крыши вишнево-яблоневым цветом. Красно-сиреневые яблоневые и белоснежные вишнево-сливовые языки пламени полыхали по оврагам и улицам, заполняя ароматом воздух и засыпая цветом землю вокруг.

Кто был тот безвестный садовод, заполнивший местные сады таким разнообразием сортов яблок и груш? Теперь многие и слыхом не слыхали о таких яблоках, как титовка, лимоновка, карабковка, ранет, золотой налив, антоновка-полуторафунтовка, цыганочка, штрифель, репка, райка, малиновка, апорт, китайка. А какие груши висели в садах: дули, бере зимняя, бессемянка! И куда только всё подевалось, почему перевелось? Госпитомникам нужен только план и быстрые в росте сорта. Все начали гнаться за долго сохраняющимися яблоками. Потому и стали редкостью сорта яблок нашего детства.

Из сегодняшнего дня почему-то кажется, что и урожаи яблок были тогда каждый год. То ли климат потом изменился? То ли земля устала?

Помню, как приходилось лазить на вишневые деревья мальчишкам (ветки не выдерживали взрослых) и вёдрами собирать вишни. Теперь в нашем в саду во много раз больше вишневых деревьев, чем в саду деда, да вишня «не та».

Сады были общей заботой не только владельцев, но и мальчишек на улице. Мальчишки всегда хотят есть, а яблоки в садах были самой доступной, хотя и небезопасной, добычей. Любой высоты заборы с колючей проволокой поверху, цепные собаки и даже двустволки, заряженные солью, были нипочём послевоенным мальчишкам.

Обычно налёту на сад предшествовала разведка. Много, правда, яблок не брали, не ломали стволов – брали только, чтобы наесться. А в своё оправдание говорили такую сказку: «Из большого взять немножко – не воровство, а дежка». Притом рвали не у всех подряд, а старались у более богатых или вредных. Жадных на улице презирали.

Улица была самой лучшей коллективной воспитательницей. Не могу согласиться с теми, кто считает, что улица, компания сверстников портят детей. Может быть, в современных условиях – да! Но послевоенные улицы с домами частного сектора, где прожило не одно поколение и все знали друг друга от мала до велика – вряд ли. Улица сохраняла традиции и быт, атмосферу добрососедства и взаимопомощи, уважения к старшим и заботу о младших.

Ну, разве можно было на нашей улице оскорбить старика и наругать женщине, чтобы это прошло незаметно и не до-

шло до родителей?

Улица вставала на защиту слабых. После прочтения гайдоровского «Тимура и его команды» и просмотра одноименного фильма симпатии наши, несмотря на все старания авторов, были всё же не на стороне Тимура, а Мишки Квакина. Дело в том, что за Тимура были все очень хорошие пионеры и военные, и профессора, и весь пузатенько-богатенький дачный люд. Но главное, их было много. А у Квакина с Фигурой почти никого не было, а это было, с нашей точки зрения, несправедливо. Мы становились на сторону слабых.

О своих уличных друзьях-единомышленниках с уважением и гордостью говорили: «Этот пацан с наших огородов». Лето было любимым временем года. После полуголодной зимы все – и птицы и животные, и пацаны – «паслись на травке». Теперь даже трудно припомнить, какие только травы и корни не отправлялись в рот. Однако самым любимым блюдом были сваренные на костре щи из щавеля и крапивы.

Компания устраивала где-нибудь в овраге шалаш или блиндажи, натаскивались из дому продукты, а затем уже готовился общий стол. Самым лучшим был десерт из плодов близлежащих садов. Целыми днями мальчишки были заняты делом: на них лежали обязанности по дому, по уходу за скотиной, огородом, но всё свободное время было отдано играм.

Мои ровесники росли на природе. Ну, разве проблемой было тогда отличить ворону от грача, чижа от чечётки?

Недавно я провел эксперимент: стал спрашивать у прохожих, указывая на усевшуюся стайку свиристелей: что за птица? За полчаса услышал: «воробьи», «скворцы», «воробьи»...

А тогда никто еще не ведал о грядущих экологических катастрофах, озоновых дырах, парниковом эффекте, урбанизации, радиации, нуклеидах и пестицидах. Может, оттого и сады родили, и птицы пели?

Мы знали, что яблоки портят червяки, и потому ставили скворечники. Птицы сами наводили порядок, да и пели вдобавок.

Судки были настоящим зоопарком в черте города. Земля, вода и воздух там кишмя кишели всякой живностью. В водах стайками носились вьюны, пескари, мальки рыбешек, заплывавших сюда нереститься из Десны. Вода рябила от невероятного числа разного вида головастиков, а по поверхности сновали водомерки, стрекозы разных размеров и расцветок. Воздух гудел от невообразимого количества мух, комаров, жуков, стрекоз, бабочек, пчел, оводов, ос, а выше, в небе, стаями носились стрижи и ласточки. На утренних и вечерних зорях овраги наполнялись трелями соловьев, малиновок, овсянок, щеглов и чижей, которые гнездились тут же в кустарнике и на деревьях.

Как только с наступлением сумерек замолкал птичий концерт, вступал хор лягушек, старавшихся перекричать друг друга. Из-под ног в разные стороны рассыпались разноцвет-

ные и разнокалиберные кузнечики, ящерицы, ужи, ежи. Иногда можно было встретить и белку, лису, зайца.

В пещерах водились летучие мыши, которые бесшумными привидениями носились при лунном свете. А по краям оврагов, обрамляя их чудесным ожерельем, бушевали сады. И все это было не где-нибудь, а в двух шагах от центра.

Какими мы были наивными, полагая, что все это великолепие вечно. Не подозревали, что через каких-нибудь полвека от всего этого останутся одни воспоминания.

Да, мы все хотели жить лучше, строить заводы, асфальтировать улицы, возводить многоэтажки, развивать транспорт, не ведая, что вместе с этим вольно или невольно нанесем непоправимый урон природе.

Как чеховский вишневый сад, б-ские сады поглотил и растоптал наступивший на них каменный город. Но вот, обезумев от жизни в загазованных каменных джунглях, люди стали прозревать. За последние лет пять вокруг города вырос огромный дачный сад. Посажено великое множество фруктовых деревьев.

Пройдет, надеюсь, с десятков лет, и эти яблоневые сады станут похожими на сады нашего детства.

Школа нашего детства

Фронт проходил где-то в нескольких сотнях километров от Б-ска, небо содрогалось от рева фашистских бомбардировщиков и разрывов зенитных снарядов, еще не отчадили головешки на городских пожарищах, а мы уже потянулись к школе.

Господи, на кого были похожи школьники нашего детства, во что только ни были одеты и обуты! Тут и шитые-перешитые из родительских довоенных одежд рубашки и пиджаки. А солдатские гимнастерки, изготовленные из парашютного шелка матроски? На головах – пилотки, буденовки, солдатские ушанки. На ногах – всевозможные тапочки, а то и просто галоши поверх шерстяных носков и не по размеру большие сапоги. Зимой надевались бурки – матерчатые на вате валенки с кожаными пятками. На бурки – «армяшки», склеенные из автомобильных камер галоши. Мало у кого были портфели или ранцы.

Большинство тащило учебники в матерчатых мешочках, планшетках, а то и просто за пазухой. Каждый первоклассник таскал сшитую из материи «кассу» с карманчиками, в которые был вложены картонные квадратики с написанными буквами.

В матерчатых кисетах болтались на шнурках чернильницы «непроливашки», наполненные фиолетовыми чернилами.

ми. Зимой чернила замерзали, и их отогревали дыханием.

Каждый ученик экипировался круглым пеналом с деревянными ручками, карандашами и набором разнокалиберных перьев. Учебники ценились на вес золота. Их было всего по несколько штук на весь класс. Помню, букварь начинался словами «Рабы не мы, мы не рабы». Возраст первоклассников колебался от 8 до 10 лет. С нами учился сын полка, которому было уже двенадцать, а он был неграмотным: война.

Наши школы в основном были разрушены. Первые годы мы учились в приспособленных для этих целей подвальных помещениях технологического института. Там находилась мужская школа, а в здании бывшего горисполкома (доме купца Могилевцева), находившемся на месте теперешнего здания горсовета, женская школа.

Во время большой перемены младшеклассникам давали кусочек хлеба с ложкой сахарного песка. Вокруг хлеба с песком существовало множество азартных игр. Тем, кто послабее, хлеба могло и не доставаться.

В классах, расположенных в подвале, топились печки-буржуйки, куда нередко вместе с дровами подбрасывались патроны, и они взрывались. Подрывников обычно не находили, а во время ремонта ребята естественно, не учились.

Чуть позже, году в 1946-м, открылись школы №4 и №2 на улице Фокина. Школа №4 была мужская, №2 – женская, хотя и располагались они в одном здании. Обуче-

ние было раздельное, и двор тоже разделили высоким забором.

Перед занятиями устраивались пионерские линейки с рапортами, салютами и барабанным боем, чем-то напоминавшие утренний развод на воинском плацу. Помню первого директора 4-й школы Степана Ивановича Бондаренко. Все почему-то боялись его как огня. При его появлении моментально прекращались драки, всякие, особенно азартные, игры и даже игра «в жостку» – повальное увлечение мальчишек тех лет. «Жостка» – это небольшой кусочек меха с прикрепленным к нему кусочком свинца. Мех обеспечивал плавность полета. Особенно ценились жостки из козьего или кроличьего меха. Жостку набивали (подбрасывали) внутренней стороной стопы. Были мастаки, умудрявшиеся набивать по 150 – 200 раз.

Ребята тех лет росли в суровом быту: синяки, ушибы и разбитые носы были обычным делом. Почему-то особый страх нагоняли уколы. Уколы и прививки делались во множестве, особенно свирепствовала тогда малярия. Пацаны под всякими благовидными предлогами избегали этих уколов, удирая из классов по пожарным лестницам, с шиком спускаясь из окон на веревках.

Еще одну унижительную с точки зрения уличного достоинства процедуру не выносили пацаны – медицинские осмотры, на которых проверяли вшивость, чистоту рук, ног, ушей. Особо одичавшим стригли ногти и прочищали уши

прямо в классе.

Драки были обычным делом на школьных переменах. В них пацаны выясняли (до первой крови) свой статус-кво в ребячьей иерархии.

Снарядов, патронов и прочих атрибутов военного времени было множество, и ребята нет-нет, да и получали раны и увечья, утоляя свое любопытство к этим опасным игрушкам.

Модное и опасное увлечение – разрядка снарядов, патронов. Из свинца в глиняных формах отливались ордена и медали, пользовавшиеся большим авторитетом в ребячьем кругу. Из гильз и разных малого диаметра трубочек изготавливались так называемые «поджигала» и прочие стреляющие «игрушки», набиваемые порохом и серой от спичек. Особой любовью пользовались «дымовки» или «дымовухи».

Где-то в 1951 году была построена новая, первая послевоенная школа в Советском районе на улице Луначарского – школа №14. Теперь это школа №5. Она была не только первой новой брянской школой, но и первой смешанной школой, где в виде эксперимента начали совместное обучение девочек и мальчиков...

До 1951 года обучение в школах было отдельным. Хотя учились мы по одним и тем же учебникам, у одних и тех же учителей. Наконец что-то, видно, сдвинулось и в «верхах». В Брянске открыли первую смешанную школу №14 (теперь №5).

Контингент учеников был весьма оригинальным. Директора спихнули в новую школу всех своих оболтусов. Более того, из старшекласников было не так-то просто сформировать классы, потому что в женских школах изучали французский, а в мужских – немецкий языки. В нашем классе было всего четыре девочки, да и то приезжие, в другом – наоборот.

Директором школы назначили И. Селищева. Селищев запомнился тем, что вылавливал по оврагам прогульщиков и устраивал в туалетах засады на курильщиков. Через год для укрепления школы из гороно была направлена директором Клавдия Ивановна Пушнова. Пушнова круто взялась за наше перевоспитание. Мы за глаза дали ей прозвище Кабаниха в честь известной героини пьесы Островского. Одним из ее излюбленных методов воспитания были приводы 9—10-классников на уроки в начальные классы. Верзилу ставили в угол на весь урок.

– Смотрите, дети, – обращалась к ним директор, указывая на провинившегося. – Смотрите внимательно и запомните: вот из этого молодого человека не получится Олег Кошевой, Ульяна Громова, Зоя Космодемьянская!

Дети строили рожи. Для усиления борьбы с прогульщиками и нарушителями дисциплины был введен журнал поведения, из которого в конце каждой недели все прегрешения выписывались и рассылались домой родителям. Какими только ухищрениями не занимались ученики, чтобы ненавистный журнал исчез к субботе! Особая роль по его изъятию отво-

дилась девчонкам, которые сидели ближе к столу учителя. Похищенный журнал уничтожался торжественно всем классом.

Затем, когда мы вступили в комсомол, вопросами дисциплины занялись вместе с учителями комсомольские активисты. Помню, как в нашей школе проходил прием в ВЛКСМ. Весь класс под диктовку написал заявление и строем отправился в райком. Где-то через час они вернулись назад, одаренные членскими книжками. Из всего класса лишь двое избежали посвящения (в том числе и я), отсутствовавшие по болезни во время подачи заявления.

После образования в школе комсомольской организации (а о силе партийной можно судить по тому, что школьный парторг В. Стельмах затем стала многолетним первым секретарем Советского райкома) школу захлестнули комсомольские собрания-разборки. Главной темой был, как вы сами догадываетесь, «моральный облик комсомольца».

В то время школьники о спиртном и понятия не имели, курили редкие экземпляры, да и то нерегулярно. Помнится, лет в 17 скинулись мы, человек пять, и купили за рубль семьдесят кубинскую сигару – хотели узнать, какое удовольствие получает от этого «дядя Сэм». Пошли в овраг, сняли упаковку и раскурили на пятерых... Некоторых тут же вырвало, другим стало дурно. Так что на собраниях стоял в основном вопрос «О любви и дружбе». Ни о какой любви в стенах школы у комсомольцев, конечно, не могло быть и речи.

Любовь – это для взрослых, для юношей и девушек только дружба, комсомольская дружба!

Попавшиеся на изъятии своих чувств подвергались обструкции. Преследовался маникюр, завивки или накрашенные губы. За подобные «развратные» дела можно было запросто получить строгий выговор, а то и вылететь из рядов ВЛКСМ. Еще большим грехом было посещение танцев в Доме офицеров (особенно девчонками) и посещение вечерних сеансов в кинотеатрах. Где-то с 1953 года в школе стали проводить вечера. Но ребята танцевать не умели, стеснялись, стояли у стенок и смотрели, как вальсируют девчонки.

Особенно любимым, несмотря на крутой характер, был Николай Александрович Фролов – учитель немецкого языка. Высокий красивый блондин арийского типа, в зеленом офицерском кителе. Когда он нервничал, щеку подергивал нервный тик. Любимым выражением Дойча, как мы его называли, была фраза:

– Я подойду! Я буду ждать, но я подойду!

И если уж он подходил, нерадивец мог вылететь из-за парты вместе с крышкой и получить вдогонку по горбу портфелем. Мы его не столько боялись, сколько уважали и принимали наказание как должное. Дойч не признавал авторитетов и не шел ни на какие компромиссы. Помню, как он категорично ответил пришедшей «качать права» жене главврача обкомовской поликлиники Николаевой:

– Да пусть ваш муж хоть десять шляп одну на одну наде-

нет, я вашего Ивана из девятого класса не выпущу!

И ведь не выпустил, несмотря на давление «сверху»! На пенсии Дойч пошел на производство – мастером в домоуправление и при встрече делился:

– Да если бы я знал, что на производстве так хорошо работать, давно бы бросил эту школу! Ты не представляешь, какие теперь ученики. Вы были просто золотыми: дашь кому подзатыльник – и весь конфликт исчерпан.

Он и сейчас еще помнит первых своих учеников поименно, интересуется их судьбой.

Математику преподавал Александр Николаевич Щеглов, ходивший в черном кителе и таких же брюках-галифе, заправленных в хромовые сапоги с галошами. Он был полноват и имел прозвище Самовар. Говорили, что на фронте Самовар был разведчиком. Во всяком случае навыки, приобретенные им в разведке, помогали ему, когда он по бумажной пульке находил, из чьей тетради она была сделана, и разоблачал незадачливого стрелка. Иногда, устав от нашего нежелания вникать в премудрости алгебры и геометрии, он задумчиво говорил:

– Сосновский, я вижу твое будущее! Я вижу тебя сидящим на бочке ассенизатором!

– Павлов, тебе о жилье заботиться не придется. На тебя уже за стадионом место заготовлено!

Он имел в виду тюремную камеру. Ни одно из его пророчеств не сбылось. Самовар был очень богат по тем вре-

менам: у него имелся мотоцикл, чуть ли не единственный во всем городе. Впрочем, тогда из трех наших классов часы были у двух-трех человек.

Русский язык вела у нас М. Юршева по прозвищу Вура. Русский был нашей ахиллесовой пятой, несмотря на все старания Вуры. Она была влюблена в словесность и часто тянулась за валидолом, не выдерживая нашего варварского языка...

Праздники нашего детства

Вспомните, давно ли мы все жили от праздника до праздника? Трудовые будни были праздником для нас, воскресные дни – праздником какой-нибудь отрасли или профессии, а кроме того, революционные праздники, дни рождения, юбилеи, открытия, закрытия, события, аванс, получка. Гуляй – не хочу! Было в них много от бутафорско-показушного фарса, но и много веселого, памятного.

Праздник Октября

Октябрьская демонстрация 1965 года: театрализованное представление, где перед трибуной разыгрывались сцены героической истории города, области и государства. Группы озябших студентов, одетых в матросские бушлаты, солдатские шинели и комиссарские кожанки, в перехлест опутанные пулеметными лентами и увешанные гранатами, изображали штурм Зимнего. В самый ответственный момент, перед правительственной трибуной, солдат-знаменосец дважды упал, запутавшись в размотавшейся обмотке. Папаха покатилась под трибуну, а знамя попало под «газик», замаскированный под броневик. Растерявшийся солдат, прыгая боком перед трибуной, отчаянно разматывал с ноги злополучную обмотку. Освободившись, он вдруг заорал, махая

ею над головой: За Родину! За Сталина!

Студенты с криком «ура» бросились на штурм, целя штыками в ненавистных буржуев. Комиссар отряда выковыривал штыком закатившуюся под трибуну папаху, взятую напрокат в драмтеатре. Вдоль колонны, отдуваясь и тяжело дыша, семеня загримированные под партизан артисты драмтеатра Богатырев и Лисовский. Время от времени снимали папахи и утирали пот с лица. – Пьедестал не видели? – с мольбой в голосах спрашивали они демонстрантов. – Какой еще пьедестал? – Ну, машину бортовую, с партизанской землянкой и макетом «голубого моста». Мы его должны рвануть перед трибуной! – А... так этот пьедестал давно проехал... – О, ты, черт! – ругались артисты-партизаны. Демонстрация короткими перебежками вливалась на площадь, неся несметное количество портретов очередного вождя, флагов, флажков, шаров и транспарантов. Впереди каждой из колонн катили специально изготовленные тележки с красочными панно и праздничными призывами. – А где? А какой? – спрашивали, проходя мимо трибуны, демонстранты. – Да вон в центре, в шляпе! – А там все в шляпах! – Ну этот вот... ну в самом центре... Люди почему-то кричали «ура» и радостно махали флажками в сторону трибуны...

Праздник футбола

Открытие футбольного сезона в городе становилось

праздником для болельщиков. Праздник начинался обычно парадом команд всех возрастов. Затем бессменный председатель облспорткомитета Борис Старовойт произносил раз и навсегда написанный спич и давал команду на подъем флага. Право первого удара по мячу в течение десятилетий предоставлялось одному и тому же человеку – преподавателю Брянского лесохозяйственного института А. В. Федосову. Марксообразный Федосов бодро вышагивал к центру и, отдав поддержать судьбе свою трость-костыль, под аплодисменты болельщиков пинал мяч ногой. Последние годы Федосову уже было трудно самостоятельно добираться до центра поля, его сопровождали ассистенты, поддерживающие мастера после нанесения по мячу символического удара. Частенько открытие сезона жаловали отцы города и генералы, о чем восторженно сообщали народу громкоговорители. В такие дни на «правительственной» трибуне бывало многолюдно. Но и когда никого не было, милиция все равно не пускала туда обычных болельщиков, даже во время дождя...

Основным спортивным клубом города было «Динамо», представляющее МВД, ибо по всей области, чуть ли не в каждом районе, была или тюрьма, или колония, а в самом областном центре – аж несколько. И все эти заведения имели чрезвычайно многочисленный штат сотрудников. Вот общество «Динамо» и стало основным и чуть ли не единственным.

Футбольный клуб «Динамо» у нас любили, и болели от ду-

ши. Да и как было не болеть, если играли, за редким исключением, свои – с соседних дворов, с соседних улиц. В 60-е годы каждый матч с участием столичных команд был для города праздником. Расскажу об одном. Душным июльским вечером 1963 года б-ское «Динамо» принимало на своем поле лидера зоны ленинградский «Спартак». На стадионе яблоку негде было упасть. Перед стадионом – столпотворение. Народ прорывал кордоны контролеров, через заборы сыпались, как картошка из дырявого мешка, безбилетники. Плотная толпа стояла вокруг беговой дорожки, удерживаемая слабыми металлическими барьерами, которые то тут, то там падали вместе со зрителями. На деревьях вокруг стадиона гроздьями висели пацаны. Балконы и окна близлежащих домов превратились в трибуны. Наиболее предприимчивые заняли крышу трехэтажного дома за южной трибуной стадиона. Сразу после начала игры над стадионом разразилась гроза. Небывалой силы ливень накрыл стадион, превратив футбольное поле в болото. Футболисты и болельщики промокли до нитки, но никто и не думал покидать трибуны. Рев и свист над стадионом заглушали раскаты грома. На поле творилось что-то невероятное: мячи один за другим влетали в спартаковские ворота. После каждого падения футболисты горстями счищали с лица и тела жирную грязь и умывались в какой-нибудь наиболее глубокой луже. Вратарь спартаковцев явно нервничал, пытаясь ногами и руками разогнать воду от своих ворот. Долговязый дружинник в шляпе, посланный

прогнать пацанов из-за ворот, сам занял их место и сказал что-то обидное вратарю. Ленинградец повернулся в сторону обидчика и стал огрызаться. В этот момент в его ворота влетел очередной мяч. Рассвирепевший вратарь бросился за дружинником. Дружинник, прыгая по лужам, как заяц, драпанул под защиту болельщиков, потеряв на бегу шляпу, которая была тут же растоптана. Вратаря еще долго оттаскивали от шляпы и всей командой упрашивали занять место в воротах. После окончания первого тайма светился фантастический счет – «Динамо» выигрывало 4: 0. В перерыве между таймами на стадионе царило веселье, не уступающее, думается, карнавалу в Рио по случаю завоевания бразильцами звания чемпионов мира. Торжествующие люди прыгали в обнимку, что-то кричали и пели. Часть болельщиков бросилась помогать работникам стадиона готовить поле. Добровольцы сгоняли воду с динамовской половины поля и засыпали штрафную и вратарскую площадку песком. Как водится, подручных средств на стадионе не оказалось. Мужчины носили песок в шляпах и картузах. Несколько женщин таскали в подолах. После того как «наша половина» была приведена в порядок, несколько особо патриотичных болельщиков вылили пару ведер воды на «чужую» вратарскую площадку. Сидевший на трибуне солидного вида мужчина призывал окружающих вести себя прилично. Матч закончился со счетом 5:0 в пользу «Динамо», а болельщики все не расходились, чтобы еще и еще раз посмотреть на своих героев

и продлить праздник.

Русская берёзка

Вдоль бульвара Гагарина наспех вкопали привезенные из леса березы, которые для большей устойчивости крепились распорками. На площади Ленина, напротив драмтеатра смастерили эстраду. Праздник «Русская берёзка» начался в полдень с общего, но организованного гулянья. Под палящими лучами солнца потели одетые снегурочками мороженщицы. Молодые люди, скользя по столбу, тщетно пытались достать с его верхушки сапоги. Самодеятельные коллективы домов культуры водили хороводы, голосили и отплясывали под гармошки. Играли духовые оркестры. На площади Карла Маркса разряженные тройки с бубенцами катали детей. Вечером почти весь центр был запружен гуляющим народом, ожидавшим обещанного афишами фейерверка. Ближе к полуночи у здания райкома комсомола собралась колонна факельщиков, которая, чадя зажженными факелами, под звуки марша двинулась к площади Ленина. У эстрады факельщики остановились. Ведущая обратилась к публике: – А теперь, друзья, споем наши комсомольские песни! Сейчас вам раздадут тексты! Несколько активистов стали разносить в толпе тексты, которые в сумерках все равно невозможно было прочитать. После первого куплета испортился микрофон. Факельщики пели, оркестр играл, ведущая боролась с микро-

фоном. Песня совсем было начала угасать, когда на эстраду вывалился из толпы одетый в довольно потрепанный китель мужчина и, обняв ведущую за талию, завопил в отнятый у нее микрофон: Пока я стоять умею, Пока я ходить умею, Я буду итить вперед... Все радостно зашумели, узнав в мужчине Колю-дурачка. Площадь ликовала, милиция оттаскивала Колю от ведущей. – А теперь, – прокричала та, вновь овладев микрофоном, – когда мы спели свои комсомольские песни, можно потушить факелы.

Факельщики радостно затоптали тлеющие тряпки и смешались с толпой. В воздух взвились ракеты – начался фейерверк...

Праздник молодости

Праздник молодости, который город ожидал в течение месяца, начался на стадионе «Динамо», с парада. Проследовали коллективы духовых оркестров, каждый в своей форме. Замыкал парад детский оркестр Дома пионеров. Дети вдохновенно дули в трубы, сверкая золотыми эполетами на красных камзолах. Впереди, с выражением муки на лице, вышагивал тамбурмажор Геваргис Бит-Юнан. Он непрерывно поправлял съезжающий на нос кивер, махая над головой белой перчаткой. Следом за музыкантами проехали самые маленькие участники праздника на трех велосипедах. За ними бежали счастливые мамы. Промаршировали, чеканя шаг, от-

ряды юнармейцев. Лица их были сосредоточены и суровы, деревянные автоматы прижаты к груди. Большинство юнармейцев почему-то составляли девочки. Со страшным ревом, изрыгая тучи гари, проехали мотоциклисты. На сооруженной над коляской головного мотоцикла площадке стоял «воин-освободитель» с огромным бутафорским мечом в руке. К груди он прижимал девочку. У воина было бледное, напряженное лицо – он с трудом удерживал равновесие. За ноги его держали два ассистента. Замыкая парад спортивной молодежи, на беговую дорожку выкатила кавалькада разномастных коней и всадников, в которых без труда можно было узнать славную дружину ассенизаторов из «треста очистки». Возчики изображали конников разных времен нашей славной истории от Ильи Муромца до Семена Буденного. Рядами ехали Алеша Поповичи, Александры Невские, – голубые гусары и буденовцы. У правительственной трибуны наиболее ретивые пришпорили коней: буденовцы врезались в голубых гусар, Александры Невские перемешались с Алешами Поповичами. Какие-то две кобылы начали кусаться. Один из коней сбросил на гаревую дорожку своего Невского, налетел на мотоцикл и поскакал через футбольное поле. Александр Невский кинул щит и с пикой наперевес бросился преследовать обидчика... Появились артисты Мосцирка. На футбольное поле разом высыпали десятка два ходулистов на разновысоких ходулях и большое количество клоунов, устроивших такой кавардак, что зарябило в глазах. Общую сумяти-

цу усугубил выехавший на поле в клубах едкого дыма автомобиль, похожий на «Антилопу-гну». Клоуны стали прыгать в автомобиль и имитировать падения и ушибы. Ходулисты перешагивали через кувыркавшихся клоунов и автомобиль. Праздник продолжался...

Река нашего детства

До чего же неудачно выбрали место для нашего города! На высоком крутом берегу Десны, а тут и Болва, и Снежеть рядом. Снежка – тихходная, спокойная, с многочисленными заводами. Болва – полная противоположность, одна из самых быстротечных равнинных рек. За памятником артиллеристам до последнего времени было озерцо, называемое «Пердушкой» за то, что на его поверхности постоянно лопались поднимающиеся со дна пузырьки. Вода там была чистая и холодная. Несколько лет назад «Пердушка» стараниями городских властей приказала долго жить. Уверен, будь среди этих товарищей хоть один местный житель, а не периферийные выдвиженцы, он бы не загнал в «Пердушку» земснаряд и не вычерпал оттуда песок для строительных целей. Теперь за платной стоянкой высится песчаный карьер, а увеличенный раз в 20 водоем «Пердушки» уже не может обеспечить ее подземный источник, и вода там к середине июля покрывается ряской.

Пройдитесь па старым улочкам: Ямской, Верхней и Нижней Лубянке, Калининской, Судкам. Домики теснятся на гористых неудобницах, без подъездов, без приличных приусадебных участков. Казалось бы, возьмите ровное место подале, километрах в 2—3, и стройтесь, ан нет – люди жалась к реке. Каких-нибудь 80 – 100 лет назад Десна была

глубоководной и судоходной. До революции по Десне бегали до Киева колесные пароходики. Один из них, «Константин», даже попал на старинную открытку. Городская пристань-гавань располагалась в районе фабрики РТИ на Пионерской улице. Старики мне, тогда мальчику, рассказывали, что в гражданскую напротив дормаша затонул пароходик. Из воды торчали только верхушки мачт – такая вот была глубина.

На левом берегу Десны в месте слияния со Снежетью еще до войны находилась так называемая Бабаева роща. Мы ее уж не застали, но можно себе представить, что это была за прелесть по сохранившимся дубам левобережья рощи «Соловьи».

Десна меняет постоянно русло, даже в черте города. После войны дорога от станции Б-ск-I проходила через три моста: один через Десну и два через старицы. Одна из этих стариц, правда, отрезанная искусно от основного русла, сохранилась и теперь. Ее, как прежде, называют ласково «старушка».

Каждую весну после войны весь город ждал ледохода. Все, от мала до велика, высыпали на берег, наблюдая, как набухшая река с ревом и грохотом рвала на себе ледяные оковы. Нагромождая одна на другую льдины, закипая в торосах и запрудах, река увеличивалась на глазах в объеме и катила воды мимо города.

Половодье растягивалось иногда на целый месяц. Радио ежедневно передавало сводки об уровне подъема воды. Что-

бы сохранить опоры моста (мост у Набережной ежегодно разбирался), сооружались специальные ледорезы. Перед самым половодьем город ночами сотрясали взрывы – это подрывники рвали лед у Черного моста, чтобы его не снесло напором. «Черным» назвали мост, соединивший город со станцией Б-ск-II, за его черные, просмоленные опоры. Во время войны мост был разбомблен, но и новый, послевоенный мост, по традиции называли тоже «черным».

Десна в половодье разливалась широко и раздольно, сливаясь в одно пространство со Снежетью и затопляя всю пойму до горизонта. Среди бескрайнего водяного простора, как игрушечные корабли, покачивались на воде затопленные домики Зареченской улицы. Хотя дома строились на высоких сваях, вода доходила до полов. В отдельные годы Десна выходила даже на высокий правый берег, затопляя рынок и Калининскую улицу. В течение всего разлива, пока не навели новый мост, зареченские общались с городом при помощи лодок, из которых мальчишки кошелками вылавливали карасей и щурят.

Рыбой Десна была богата. После войны тут же на рынке можно было приобрести и мелких красноперок, и крупных щук. Году в 1946-м братья Сафроновы с Горьковской улицы зацепили сеть у Набережной сома. Его удалось вытащить только с помощью лошади, хвост его свешивался с телеги. Не каждый мальчишка в то время отваживался переплыть Десну, хотя плавать умели все. Тут же проводились соревно-

вания по плаванью – для этого натягивали канаты и устраивали водные дорожки. Геройством было ныряние с моста. Особо отважные прыгали с перил, но этих смельчаков было немного. Они собирали зрителей.

Нырял с перил и известный в Б-ске Эдик-дурачок. Это бывало зрелище. Эдик снимал на мосту свой поношенный офицерский китель с орденскими планками, залезал неуклюже на перила и долго, дрожа синими коленками, готовился к прыжку. Затем он издавал свое фирменное, «тхрррх», прочищая носоглотку, зажимал пальцами нос и, закрыв глаза, топориком кувыркнулся вниз.

Полет его каждый раз был непредсказуем и неопишем. Эдик плюхался в воду животом или спиной и, подняв море брызг, со стоном уходил под воду.

По-собачьи выгребал на берег и, отдышавшись, снова залезал на перила, вообще послевоенный город даже трудно представить без Эдика-дурачка и Коли-дурачка. Недаром даже бывшая председатель облисполкома Домна Комарова, делясь воспоминаниями, наряду с первыми секретарями обкома вспомнила и о Коле-дурачке.

Ныряние с моста запретили в 1955 году, когда десятиклассник Ю. Сулимов разбился, ударившись головой о прошлогоднюю сваю – река мелела на глазах.

В пятидесятые годы основной городской пляж размещался на противоположном от дормаша берегу. Затем, когда стали намывать площади под новые цеха завода, горожане об-

жили рощу «Соловьи». Пляж обустроили, поставили павильоны, грибки, туалеты, но кому-то в голову взбрело и в этом месте спрямить русло Десны. После этого течением снесло с пляжа песок, берега заилились, и люди покинули этот чудесный когда-то уголок. Сейчас там пустота и полуразвалившиеся строения..

Мода нашего детства

В первые послевоенные годы улицы города, как и всего Союза, были окрашены в защитные цвета. Солдаты и офицеры донашивали военную форму, кто мог, с удовольствием меняли ее на гражданскую. Случалось видеть сплошь и рядом гражданский пиджак поверх галифе и сапог.

Номенклатура одевалась в темного цвета полувоенные кители и такого же цвета галифе. Хромовые сапоги обязательно венчали галоши. Вид обладателей хромовых сапог был величав и недоступен. Многие держали, в подражание вождю, правую руку за лацканом кителя. Для большей убедительности обладатели черных кителей именовались руководителями, сокращенно «рук», например: технорук, худрук, военрук, физрук.

Но отходила в прошлое война, и постепенно пришло время гражданской моды. Мужчины оделись в двубортные темно-синие или коричневые костюмы с невероятно широкими штанинами. Головной убор (кепка шести- или восьми-клинка) была обязательной частью костюма. Наиболее представительные позволяли себе заменить картузы на шляпы и носить галстуки. Это было, однако, совсем небезопасно. Десятилетиями в народе культивировалась ненависть к этому атрибуту капиталистического гардероба. В любой момент обладатель шляпы мог услышать обидное: «Буржуйская ро-

жа!».

У молодежи обязательным являлся косой чубчик из-под сдвинутого на лоб картуза, тельняшка и тупоносые лакировки, показывавшиеся только при ходьбе из-под нависавших над ними, как трубы, брючин. Верхом шика считалась зажатая зубами в блеске золотой коронки папиросина.

Внешнему виду соответствовал свой стиль поведения и отношения к женщине, исключаяющий всякое проявление сентиментальности. Среди уличного фольклора в жанре городского романса распевалась песенка «Парень в кепке и зуб золотой» – о похождениях этого пролетарского героя. Очень образно показал такого парня незабвенный Леонид Осипович Утесов в постановке «Эволюция танца»:

– Мань, сбациаем фокстрот?

– Не, отвали!

– Пойдем сбациаем!

– Не пойду!

– А и с Жёрой пойдешь?

– А и с Жёрой пойду!

– Ну, смотри, пойдешь и с Жёрой, живая с танцев не уйдешь!..

Женщины щеголяли в простеньких ситцевых по щиколотку платицах и бесформенных на широких каблуках туфлях. Жены ответственных работников вечерами, перед походами в кино или театр, надевали тяжелые крепдешиновые платья с плечиками, рюшечками и полным отсутствием декольте.

Зимой все население переходило на ношение валенок с галошами или бурок с «армяжками», самодельными подобиями галош, вырезанными из автомобильных камер. Элитная часть мужского населения облачалась в пальто с каракулевыми воротниками и такие же ушанки, женщины обвешивались чернобурками. Особым шиком считалось ношение так называемой «муфты», которая делалась из того же меха, что и воротник, и носилась вместо перчаток. У дамы, идущей с муфтой, обязательно должна была быть домработница, так как сумку нести она уже сама не могла: руки были заняты «муфтой». Кстати, «слуги народа» не видели ничего зазорного в эксплуатации наемного труда в виде домработниц. Почему-то у значительной части номенклатуры были нездоровые супруги, и кто-то же должен был при неразвитой сфере централизованных бытовых услуг заниматься этими проблемами на дому... Вольно чувствовали себя в то время мальчишки, не связанные никакими условностями. Босоногие ватаги день и ночь носились по пыльным улицам и залившим лугам, обуваясь только для посещения школы. Это было в городе, а в деревне...

В середине 50-х деревенские бабы, увидев на приехавших студентках спортивные шаровары, бросали работу и поднимали невероятный визг: «Ой, бабоньки, глядите, девки в портках, срамота!» Еще больший переполох вызывало появление загорающих в плавках. Плавки и купальные костюмы шили себе сами. Промышленность такие товары не про-

изводила. Одно время стало модным использовать в качестве плавок детские машинной вязки трусики. Девочки перешивали себе разноцветные борцовские трико под купальные костюмы.

Мужские прически того времени подчеркивали мужество и неприязательную простоту. Самыми модными были «полька», «бокс», «полубокс» и «под горшок», когда под машинку выстригались вкруговую волосы чуть выше ушей. У женщин верхом шика считалась «шестимесячная завивка». Женщины стали носить шляпки с вуалью на манер начала века и длинные по локоть сетчатые перчатки. Наиболее смелые использовали губную помаду, тушь для ресниц и делали маникюр. Любой случай использования косметики даже в старших классах школы становился ЧП, зато после просмотра фильма «Тарзан» молодые люди начали отпускать волосы, а девочки, наоборот, стричь косы.

В 1954 году до Б-ска стали доходить слухи о появлении в столичных городах загадочных «стиляг» или «узкобрючников». Центральные газеты и журналы развернули массовый агитационный психоз, изображая стиляг пьяницами, развратниками, насильниками, а там уж недалеко и до предателей Родины. Не повстречав в жизни ни одного «стиляги», люди уже проникались к ним лютой ненавистью. Первым, на кого вылилась эта провинциальная лютость, оказался приехавший на зимние каникулы студент столичного вуза Э. Шишлянников. Одет он был в светлое, чуть ниже колен

однобортное полупальто, шапку-боярку и боты с металлическими пряжками спереди, прозванными в народе «прощай молодость». Самыми заметными в его наряде были выпирающий из бортов пальто ярко-оранжевый шарф и узкие брюки. Когда он появлялся на улице, вслед ему катились возмущенные крики: «Стиляга! Мериканец! Боярин! Выродок! Куда смотрит милиция? На Колыму их!»

Мальчишки под одобрительные возгласы родителей бросались в Шишлянникова снежками. Однако молодежи его вид очень понравился, и после отъезда студента спешно началось укорачивание остроплечих двубортных пальто, перешивка пуговиц и переглаживание лацканов, чтобы «открыть» наружу шарфы.

В 1956 году Бежицкий камвольный комбинат заполнил магазины тканью «аргон» зеленого и синего цвета. Тут же многие появились в пошитых из «аргона» зеленых узких брюках. Что до других нарядов, то нашим стилигам было тяжело тягаться со столицей – в магазинах не было импортных вещей, а в столицу просто так не ездили, разве что к родственникам или в командировку. Шили и переделывали то, что было в наличии, и выглядели зачастую довольно нелепо.

Первыми «стиляжничать» начали ребята. Девчонки втянулись в это только через пару лет. Особой гордостью стилига была прическа: длинные, гладко зачесанные назад волосы, собранные впереди в так называемый «кок». Чем выше и дальше нависал кок надо лбом, тем было престиж-

ней, а чтобы держался и не разрушался на ветру, волосы густо смазывали «бриолином». Спали на спине, боясь помять во сне. Такие прически не могли делать в парикмахерских, поэтому стилиаги стригли друг друга сами, и некоторые делали это довольно профессионально.

Особо мучились провинциальные стилиаги от обуви. В Москве продавались чешские туфли на толстой микропористой подошве, так называемой «каше», а в Б-ске, кроме пресловутых тупоносых лакировок и полуботинок, ничего не было. Обладателям туфель «на каше» жутко завидовали.

Если наши стилиаги постепенно приближались к столичным, то девушки заметно отставали. Приезжавшие на каникулы, всего лишь год пожившие в столице, уже носили другие прически, пользовались косметикой, по-другому одевались и даже походкой отличались от оставшихся в провинции подруг!

«Стилиага» – стало выражением нарицательным. Сами же модники называли себя «чуваками» и «чувихами», основные отличия которых были (кроме модной одежды) любовь к джазовой музыке, новым течениям в литературе и искусстве, а также критическое отношение к существующим устоям нашего общества.

Стилиаги появились в то время, когда внутренние враги все были уже ликвидированы. Но соцобщество не могло поддерживать своих граждан в должной воинствующей форме против врагов внешних без постоянной борьбы с врагами

внутренними. И «стиляги» быстро заполнили этот вакуум. Сколько молодых корреспондентов, поэтов и композиторов сделало себе карьеру на борьбе со «стилягами»! С провинциальной патриотичностью взялись борзописцы за стилиг. Все стенгазеты школ и учебных заведений обязательно разносили кого-нибудь из своих учеников. В районных городах появились витрины «комсомольских прожекторов» с карикатурами и частушечными творениями. На бульваре Гагарина, где совсем недавно была портретная галерея лучших людей города, были расставлены вырезанные из фанеры уродливые фигуры «стиляг» в диких нарядах. Комсомольские патрули и бригадмилыцы вылавливали «узкобрючников», пороли им штанины и отрезали «коки».

Но странно, чем активнее велась борьба, тем больше появлялось «стиляг». Вероятно, пришло время, когда люди захотели, наконец, одеваться и жить лучше. Ведь как-никак, а шел уже пятый десяток Великой Октябрьской социалистической революции. Но Б-ск еще долго, по-партизански сопротивлялся этим пережиткам и тяжело привыкал к европейской моде.

Особенно сопротивлялись окраины. Даже в середине семидесятых можно было наблюдать такую картину. Одетый в шорты Э. Гнездовский (известный в городе под кличкой Мэр), шел на пляж по погружавшимся в сон от аванса до полочки соловьевским улочкам с мирно грызущими на крылечках семечки хозяевами и детско-куриным криком во-

круг. Проходя мимо крылечек, Мэр вежливо здоровался. На крыльце при виде его обнаженных коленок воцарялась настороженная тишина: дети и куры любопытно вытягивали шеи, а взрослые, оставив семечки, с гневом испепеляли взглядами наглеца. Затем с близлежащих крылечек прибежали, поспешая, соседи, и начинался стихийный митинг. Мужики матерно ругались и чесали пудовые кулаки, бабы осеняли себя крестным знамением и посылали вослед «антихристу» и «супостату» проклятия.

Зачем боролись? С чём боролись?

Каток нашего детства

Послевоенные зимы, не в пример теперешним, помнятся снежными и морозными. Снег ложился уже к середине ноября, иногда раньше, и никаких тебе оттепелей. Заносило улицы по самые верхушки заборов. Самыми распространенными коньками после войны были «пролетарки» или «пролетарские». До примитивного простые, они привязывались веревками к обуви. Коньки с ботинками являлись недостижимой мечтой. Да мальчишки особенно и не рвались к ботинкам, так как в валенках было теплей. Веревки на коньках затягивались специальной палочкой. Выглядело неказисто, зато надежно.

После «пролетарок» по популярности стояли «снегурочки» или «снегурки», с загнутыми кверху закругленными ногами. Особую зависть вызывали обладатели «хоккеев» или «дутышей», и уж совсем редкостными были «ножи» или беговые.

Особое возбуждение у пацанов вызывало появление на улице редких грузовиков, чадящих газогенераторными установками. Мальчишки цеплялись за борта проволочными крючьями и катили вслед вихляющими шеренгами, ухватившись за хлястики и полы друг друга, рассыпаясь, как горох, от выскочившего из кабины шофера.

Самой популярной игрой был хоккей с мячом или рус-

ский хоккей. Целыми днями мастерились клюшки и расчищались площадки. Больше везло зареченским, игравшим на замерзшей Десне. Мальчишки так поднаторели в уличных баталиях, что, когда стали заливать каток и создавать хоккейные команды, проблем с игроками не было. Какие скорость и удаль демонстрировал русский хоккей! Самыми яркими игроками у нас были Иосиф Мочанис, Эдуард Кузерин, Валерий Жуков, Сергей Кухарев, Виктор Соловьев, Анатолий Елисеев.

О канадском хоккее (или хоккее с шайбой) в начале пятидесятых знали только понаслышке, но когда пришла его пора, те же ребята, взяв в руки непривычные клюшки, показывали чудеса. Пока осваивался новый вид, возникало много курьезов. Вратари пытались ловить шайбу двумя руками, бросив клюшку. Особой гордостью являлось сидеть на скамье штрафников – нарушители были в почете и за пределами площадки. Казалось, б-ские хоккеисты достигли верха совершенства, но тут, как ушат холодной воды на головы – приезд команды «Торпедо» из Горького (высшая лига). В ее составе был игрок сборной СССР Солодов. Наши даже забросили, под ликование трибун, шайбу. Но затем все стало на свои места, и шайбы, одна за другой, посыпались в наши ворота. Кончилось тем, что горьковчане стали играть одной пятеркой, а их вратарь, сбросив щитки, оставил пустыми ворота и выкатился на площадку шестым полевым игроком. Конечный счет 27:1 в пользу гостей. И при этом б-

цы сражались, как львы. Горьковчане с удивлением взирали на носящихся, как ракеты, наших. Зрители, поначалу болевшие за своих, хохотали затем до слез над обескураженными хозяевами. Центром жизни зимнего города был, несомненно, каток. Каток на стадионе «Динамо» работал регулярно с 17 до 24 часов в любую погоду. Как только из стадионных динамиков начинала играть музыка, к стадиону слетался народ. С 17 до 20 каток отдавался детям. С 8-ми вечера начинали пускать взрослых, но дети не хотели покидать лед, и поставленным на коньки милиционерам стоило большого труда выловить всех шустрых мальчишек. Через полчаса после открытия на катке яблоку негде было упасть. Возрастной состав катающихся был от 14 до 60-ти. Спрессованная масса катающихся непрерывно скользила по часовой стрелке, оставив в центре катка небольшой пяточок, где спасались начинающие. Чем дальше от центра, тем скорости возрастали, а по большому радиусу носились самые быстрые. Репродукторы без конца предупреждали об опасности катания «против течения», так как от столкновений иногда образовывалась куча-мала из десятков людей, многие получали травмы. Увернуться от столкновения в такой массе не было возможности. Наиболее лихие умудрялись в этой гуще ещё и играть в догонялки или устраивали «паровозик: десятка три-четыре становились друг за дружкой, держась за талии, и катили, все ускоряясь, по кругу. На поворотах хвост «паровозика» заносило, сметая зазевавшихся. Тогда к месту инци-

дента мчались милиционеры, тоже на коньках... Раздевалки стадиона и на треть не могли вместить всех желающих. Большинство добиралось до стадиона уже на коньках, а подростки в основном прыгали через заборы стадиона. Взрослых, как и детей, с трудом удавалось выдворить со льда даже после закрытия стадиона и выключения на катке света. На Новый год в центре катка ставили огромную наряженную елку, а скульптуру футболистов у входа преображали в Деда Мороза. Однажды неожиданно ударила оттепель, Дед Мороз осел, подтаял и уменьшился в размерах настолько, что сзади из него показалась рука одного из футболистов скульптурной группы. Скрежет коньков катающихся был слышен далеко за пределами стадиона. Чтобы разгрузить каток, пробовали заливать льдом дорожки в парке Толстого, но людей, несмотря на тесноту, тянуло на стадион. Тут же под трибунами можно было наточить коньки, «приклеить» их к ботинкам. Под трибуной работал буфет. Сколько радости дарил людям каток, сколько бодрости и здоровья прибавлял он людям!

Милиция нашего детства

В стародавние времена

Архивист В. Кузьменко уверял, что до революции в Б-ске жило двое городских: один – на вокзале, другой – на базаре. Тот городской, который дежурил на вокзале, кроме прямых обязанностей, представлял собой в одном лице уголовный розыск, отдел по борьбе с организованной преступностью, отдел по борьбе с хищениями на транспорте, медвытрезвитель и детскую комнату милиции. Другой курировал базар и выполнял одновременно функции санэпидемстанции, комитета по охране природы, вневедомственной охраны, госторгинспекции, налоговой инспекции, ОБХСС, милиции, госавтоинспекции, управления торговли, а также комиссии по урегулированию трудовых споров. Он указывал места парковки телег, торговли, пробовал на вкус продукты, недоброкачественная продукция тут же опрокидывалась на голову зарвавшегося продавца. Городовых уважали. Завидев ещё за квартал, снимали шапки и раскланивались. Любой случай неповиновения становился историческим событием. На здании теперешнего пассажирского вокзала станции Б-ск-I висит мемориальная доска с надписью «Здесь 18 декабря 1905 года произошло столкновение рабочих-же-

лезнодорожников, вылившееся в политическую демонстрацию». Так вот, по словам архивиста, все «волнения» тогда начались с крепкой выпивки железнодорожников, которая в конфликте со здешним жандармом приобрела политический характер, так как после взаимной перебранки закончилась рукоприкладством.

Но это всё – устная летопись легенды. Я той полиции не знал. Я помню только нашу, послевоенную милицию.

Верхом на коне

После войны милиция была малочисленна, да ведь и город был невелик. Для большей мобильности милицию посадили на коней. Конная милиция выезжала на Б-ск-1 встречать возвращавшиеся после демобилизации эшелоны. Демобилизованные на радостях крушили пристанционные магазины и киоски, конники бесстрашно отстаивали народное добро. Руководил милицией майор Гуркин. Известная журналистка Татьяна Тэсс, описывая в журнале «Крокодил» один из судебных процессов, по ошибке назвала его Чуркиным. Но пусть это остаётся на её совести. Вся госавтоинспекцию представлял один милиционер по фамилии Иванов. Машин в городе было не более сотни, и надо ж такому случиться: Иванова раздавила машина!

До появления светофоров уличным движением управляли регулировщики. Один из них на самом ответственном пе-

рекрестке у ЦУМа не пропускал на площадь Ленина гужевой транспорт. Исключение составляли только возчики «треста очистки», или попросту ассенизаторы. Они ездили всегда обозом из нескольких телег, на которых стояли бочки. Из бочек торчали ведерные черпаки, а над обозом роились мухи. Когда ассенизаторы проезжали мимо регулировщика, тот оторачивался и зажимал нос.

Одним из первых государственных учреждений, вступивших в строй после освобождения от немецко-фашистских захватчиков, была тюрьма. Тюрьма в центре города до сих пор является одной из достопримечательностей города. Для того чтобы не вызывать в обществе отрицательных эмоций, не так давно вокруг тюрьмы возвели высоченный забор и административно-культурные служебные помещения, а на выходящие на улицу и детскую поликлинику окна навесили жалюзи. После войны стена была на треть ниже, на углах стояли сторожевые будки, где дежурили вооруженные стрелки. В народе их звали «мухобоями». Перед тюремной стеной регулярно вскапывалась полоса земли, обнесенная колючей проволокой. Из-за зарешеченных окон тюрьмы выглядывали зэки и бросали завернутые в кусочки материи камушки с записками на волю. Стрелки отгоняли прохожих, не давая подбирать эти записки, но мальчишки нет-нет да и умудрялись незаметно ухватить их. В записках указывался адрес родственников, чаще всего просили прислать передачу с сухарями и табачком. Большинство адресатов было из сель-

ской местности.

Весёлые времена

Сталин когда-то произнес исторические слова: «Жить стало лучше, жизнь стала веселей». Но веселей стало жить, пожалуй, при Хрущёве. Выполняя лозунги партии о слиянии города с деревней, деревни двинулись в более сытые города. Население города росло не по дням, а по часам, и одной из первых селянами осваивалась профессия порядка. Учились профессии по ходу дела. Для поддержания порядка в помощь милиции была создана добровольная народная дружина. В нее записывали добровольно-принудительно, поощряли дополнительными отпусками, учитывали активность в итоговых показателях соцсоревнования.

С начала 60-х годов вином и водкой забили все гастрономы, открыли отделы торговли в розлив. В розлив торговали многочисленные буфеты и лотки. Вино лилось рекой, сосед поил соседа, вырезвители не справлялись с возросшей нагрузкой. В скверах, дворовых палисадниках и других укромных местах на кустах висели граненые стаканы, предусмотрительно оставленные любителями выпить «на троих». Но и милиция не дремала. В находившемся на месте теперешнего музея «Б-ский лес» летнем кинотеатре парка Толстого за сценой размещалась дежурная комната милиции. Сюда же в парк, а зимой на каток собиралась выяснять отно-

шения молодежь со всех районов города. Милиция со шпаной особо не церемонилась.

«Все сидят»

Центром жизни тогда стали винные отделы гастрономов. Один знакомый, приехав после десятилетнего отсутствия, встретил у гастронома бывшего однокашника и стал спрашивать о друзьях детства.

– А все сидят! – ответил тот.

– Как сидят?

– А раз к магазину не ходят, значит, сидят!

«Сидели», однако, далеко не все. Сколько было в ту пору преступлений, сколько сидело, каков процент раскрываемости – никто из простых смертных не знал.

Когда говорит, что раньше не грабили и не убивали, не соглашаюсь и привожу собственный пример. Меня ограбили с покушением на убийство в пяти шагах от собственного дома и в сотне шагов от управления внутренних дел. Когда пришел в себя, увидел на свежем снегу следы преступника. Было около двух часов ночи, транспорт уже не ходил, и не надо было быть Пинкертоном, чтобы по свежим следам взять грабителя, тем более, что и подобрал-то меня шедший на дежурство милиционер минут через 10—15 после нападения. Но то ли жалко было будить ночью служебную собаку, то ли милицию, но прибыли стражи порядка на место происше-

ствии только к 9-ти часам утра, когда от улик не осталось и следа. Более того, следователи с неделю отработывали версию: не долбанул ли я сам себя металлическим прутом по голове с целью запутать следствие?

Но это были частности. А в общем на улицах пьяные не лежали...

На посту

Даже самые отъявленные пьяницы и хулиганы, завидев грозную двухметровую фигуру милиционера по кличке «Полтора Ивана», переставали качаться, начинали выражать возмущение американским империализмом. В те времена основными охраняемыми милицией объектами были партийные и советские комитеты и «пост №1» у памятника Ленину.

Пост №1 вряд ли нуждался в охране, причиняли ущерб «чугунному» монументу только голуби. Из бытовых объектов особой заботой милиции пользовался обкомовский дом на углу Октябрьской и Горьковской улиц. В этом доме жили «первые» – от Крахмалёва до Войстроченко, а также другие люди, далеко не последние в структуре партийной власти. На Октябрьской улице было совсем перекрыто движение автотранспорта, по улице Горького запретили проезжать грузовикам, а легковухам – с 10 вечера до 7 утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.